

Научный журнал
Московской духовной академии

ВОПРОСЫ БОГОСЛОВИЯ

№1 (9)
2023

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ

Сергиев Посад
2023

Scientific Journal
of Moscow Theological Academy

THEOLOGICAL QUESTIONS

№1 (9)
2023

Sergiev Posad
2023

ISSN 2658-7491

Вопросы богословия: научный журнал / Московская духовная академия. — Сергиев Посад: Издательство Московской духовной академии, 2023. — № 1 (9). — 60 с.

«Вопросы богословия» (Theological Questions) — научный журнал Московской духовной академии, посвящённый ключевым вопросам современного богословия. Основные направления исследований: систематическое богословие, антропология, апологетика, философия, религиоведение, патрология.

Специальности ВАК:

5.11.1 Теоретическая теология

5.11.2 Историческая теология

5.11.3 Практическая теология

09.00.14. Философия религии и религиоведение

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: епископ Звенигородский Кирилл (Зинковский)

доктор богословия
ректор Московской духовной академии
и. о. заведующего кафедрой богословия
Московской духовной академии

Научный редактор: Саркис Вадимович Санаянц

магистр богословия
и. о. научного сотрудника кафедры богословия
Московской духовной академии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Священник Стефан Домусчи, (ответственный редактор) кандидат богословия, кандидат философских наук, доцент кафедры богословия Московской духовной академии

Игумен Адриан (Пашин), кандидат богословия, доцент кафедры богословия Московской духовной академии, секретарь Учёного совета МДА

Священник Антоний Борисов, кандидат богословия, доцент кафедры церковной истории Московской духовной академии

Протоиерей Павел Великанов, кандидат богословия, доцент кафедры богословия Московской духовной академии

Алексей Михайлович Гагинский, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, старший преподаватель кафедры богословия Московской духовной академии

Игумен Дионисий (Шлёнов), кандидат богословия, профессор кафедры филологии Московской духовной академии

Михаил Степанович Иванов, доктор богословия, заслуженный профессор Московской духовной академии

Павел Георгиевич Носачев, доктор философских наук, профессор кафедры богословия Московской духовной академии, профессор Высшей школы экономики

Анатолий Анатольевич Парпара, кандидат медицинских наук, магистр богословия, преподаватель кафедры богословия Московской духовной академии

Александр Александрович Солонченко, кандидат богословия, старший преподаватель кафедры богословия Московской духовной академии

Евгений Викторович Ткачëв, магистр филологии и истории Древнего Востока, старший преподаватель кафедры богословия Московской духовной академии

EDITORIAL BOARD

Chief editor: Cyril (Zinkovski), bishop of Zvenigirod

Doctor of Theology

Rector of the Moscow Theological Academy

Acting Head of the Department of Theology of the Moscow
Theological Academy

Deputy editor: Sarkis Vadimovich Sanayants

MA in Theology

Acting Research Fellow at the Department of Theology
at the Moscow Theological Academy

EDITORIAL COUNCIL

Priest Stephan Domuschi, (Editor-in-chief) PhD in Theology, PhD in Philosophy, Associate Professor at the Theology Department at the Moscow Theological Academy

Hegumen Adrian (Pashin), PhD in Theology, Associate Professor, Secretary of the Academic Council

Priest Antony Borisov, PhD in Theology, Associate Professor at the Department of Church History at the Moscow Theological Academy

Hegumen Dionysios (Shlenov), PhD in Theology, Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Alexey Mikhailovich Gaginsky, PhD in Philosophy, Senior Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Senior Teacher at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy

Mikhail Stepanovich Ivanov, PhD in Theology, Emeritus Professor of the Moscow Theological Academy

Pavel Georgievich Nosachev, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy, Professor at the HSE University

Anatoly Anatolyevich Parpara, PhD in Medicine, MA in Theology, Lecturer at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy

Alexandr Alexandrovich Solonchenko, PhD in Theology, Senior Teacher
at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy

Eugeny Viktorovich Tkachev, MA in Theology and the History of Ancient
East, Senior Teacher at the Department of Philology at the Moscow
Theological Academy

Archpriest Pavel Velikanov, PhD in Theology, Associate Professor
at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy

СОДЕРЖАНИЕ

11 **Список сокращений**

ИССЛЕДОВАНИЯ

Философия

13 **Розалия Моисеевна Рупова**

Богословское измерение естественных наук в мирозерцании
о. Павла Флоренского

Русская патрология

23 **Саркис Вадимович Санаянц**

Представления о принципе «consensus patrum» в русской дореволюционной
богословской науке. Часть 2: Академическая мысль: догматика и патрология

Апологетика

38 **Протоиерей Николай Баринов**

Богословско-историографический анализ работ святых отцов
Русской Православной Церкви XIX – начала XX в. по теме причин и целей
сотворения мира

РЕЦЕНЗИИ

53 **Михаил Всеволодович Ковшов**

Рецензия на: *Padilla O.* The Pastoral Epistles: An Introduction and Commentary.
Downers Grove (Ill.): IVP Academic, 2022. (Tyndale New Testament Commentaries;
vol. 14). xxix + 284 pp. ISBN 978-1514006733

CONTENTS

11 **List of Abbreviations**

RESEARCH

Philosophy

13 **Rozaliya M. Rupova**

Theological Dimension of the Natural Sciences in the Worldview of Fr. Pavel Florensky

23 **Sarkis V. Sanayants**

Views on the Principle of “Consensus Patrum” in Russian Pre-revolutionary Theological Science. Part 2: Academic Thought: Dogmatics and Patrology

Apologetics

38 **Priest Nikolay Barinov**

Theological-historiographical Analysis of the Works of the Holy Fathers of the Russian Orthodox Church of the 19th – early 20th Centuries on the Topic of the Reasons and Purposes of the Creation of the World

REVIEWS

53 **Mihail V. Kovshov**

Review on: *Padilla O.* The Pastoral Epistles: An Introduction and Commentary. Downers Grove (Ill.): IVP Academic, 2022. (Tyndale New Testament Commentaries; vol. 14). xxix + 284 pp. ISBN 978-1514006733

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И СЕРИИ

- БТ Богословские труды. М.: Изд. Московской патриархии, 1960—.
- ПЭ Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000—.
- ХЧ Христианское чтение. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1821—
- CCL Corpus christianorum. Series Latina. Turnhout: Brepols, 1947—.
- JBL Journal of Biblical Literature. Atlanta: Society of Biblical Literature, 1890—.
- NRT Nouvelle revue theologique. Paris; Bruxelles: A. S. B. L. Nouvelle revue théologique, 1869—.

УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ

- ББИ Библейско-богословский институт св. апостола Андрея
- РНБ Российская национальная энциклопедия
- СТСЛ Свято-Троицкая Сергиева лавра
- ЦНЦ ПЭ Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

- КГУ Курский государственный университет
- МДА Московская духовная академия
- ПСТГУ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
- РХГА Российская христианская гуманитарная академия

ИССЛЕДОВАНИЯ

ФИЛОСОФИЯ

БОГОСЛОВСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ
ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
В МИРОСОЗЕРЦАНИИ
о. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Розалия Моисеевна Рупова

доктор философских наук
доцент по кафедре библеистики Московской духовной академии
доцент кафедры аксиологических проблем современности
и религиозной мысли Российского государственного
социального университета
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
rozaliya-rupova@yandex.ru

Для цитирования: *Рупова Р. М.* Богословское измерение естественных наук в мирозерцании о. Павла Флоренского // Вопросы богословия. 2023. № 1 (9). С. 13–22. DOI: 10.31802/PWG.2023.9.1.001

Аннотация

УДК 279-21

В статье осуществлен анализ порождающих факторов мировоззренческих позиций о. Павла Флоренского, преимущественно, его естественнонаучных воззрений. На основании высказываний самого Флоренского раскрываются биографические условия формирования его научно-богословских взглядов, уходящих корнями в детские годы. Кроме того, устанавливаются связи между спецификой детского восприятия мира, засвидетельствованного самим о. Павлом, и его исследовательскими принципами. Несмотря на то, что он не желал выступать автором какого-либо особого философского учения, тем не менее, подзаголовок «Черты конкретной метафизики» его труда «У водоразделов мысли» дает основание экстраполировать его метафизику как особое учение — в статье эта экстраполяция приведена. Единство исследовательских подходов о. Павла, как при изучении материальных объектов природы, так и при рассмотрении явлений духовного мира определяет

специфику его богословия. В статье затронуты также важные темы творчества Флоренского: вопрос об антиномиях, а также о «прерывности» как базовой характеристике нашего мира. Автор статьи, касаясь спорных утверждений о Павла, проводит мысль о необходимости богословской корректировки отдельных его положений, что приведет к актуализации для Церкви ценных плодов творческой мысли Флоренского.

Ключевые слова: Павел Флоренский, конкретная метафизика, символ, антиномия, прерывность.

Theological Dimension of the Natural Sciences in the Worldview of Fr. Pavel Florensky

Rozaliya M. Rupova

Doctor of Philosophical Science

Associate Professor at the Department of Biblical Studies

at the Moscow Theological Academy

Associate Professor at the Department of Axiological Problems of Modernity
and Religious Thought at the Russian State Social University

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

rozaliya-rupova@yandex.ru

For citation: Rupova, Rozaliya M. "Theological Dimension of the Natural Sciences in the Worldview of Fr. Pavel Florensky". *Theological Questions*, no. 1 (9), 2023, pp. 13–22 (in Russian). DOI: 10.31802/PWG.2023.9.1.001

Abstract. The article analyzes the generative factors of Fr. Pavel Florensky, mainly his natural science views. Based on the statements of Florensky himself, the biographical conditions for the formation of his scientific and theological views, which are rooted in childhood, are revealed. In addition, connections are established between the specifics of children's perception of the world, as evidenced by Fr. Paul, and his research principles. Despite the fact that he did not want to be the author of any special philosophical doctrine, nevertheless, the subtitle «Features of Concrete Metaphysics» of his work «At the watersheds of thought» gives reason to extrapolate his metaphysics as a special doctrine – this extrapolation is given in the article. Unity of research approaches Fr. Paul, both in the study of material objects of nature, and in the consideration of the phenomena of the spiritual world, determines the specifics of his theology. The article also touches upon important themes of Florensky's work: the question of antinomies, as well as «discontinuity» as a basic characteristic of our world. The author of the article, referring to the controversial statements of Fr. Paul, holds the idea of the need for a theological correction of its individual provisions, which will lead to the actualization for the Church of the valuable fruits of creative thought generated by Her.

Keywords: Pavel Florensky, concrete metaphysics, symbol, antinomy, discontinuity.

Наши духовные и физические силы имеют свой предел. Мы не можем охватить и синтезировать всё. На высоте страшно. Кружится голова от пьяняще чистого и разреженного воздуха, ноги подкашиваются, и жажда слышания слов Господних жжёт и не утоляется¹.

Мироощущение Флоренского сформировалось под влиянием ярких впечатлений его детства. Как свидетельствовал он сам: «Мои позднейшие религиозно-философские убеждения вышли не из философских книг, <...> а из детских наблюдений»². Он отличался необычайной восприимчивостью, обладал весьма острым зрением, развитым обонянием, тонким музыкальным слухом. Запахи для него были, как он сам признавался, «наиболее глубоким выражением сущности вещей»³. Маленький Павел был буквально опьянен цветами, запахами, звуками и особенно формами с их соотношениями. Именно в детстве сформировалось целостное видение, столь характерное для него в течение всей жизни. Детское восприятие мира противостоит научному, унифицирующему, лишаящему индивидуального своеобразия, обезличивающему, а значит — мертвящему. Оно изнутри преодолевает раздробленность мира. Это чувство единства мира оказало заметное влияние на философские интуиции зрелого творчества о. Павла. Весь комплекс детского переживания оформляется у него в цельный образ райского бытия, «Эдема». Такое острое и целостное восприятие мира повлияло на систему богословских и философских взглядов мыслителя, породило стремление отыскивать прафеномен каждого явления, а с другой стороны, привело с ранних лет к попыткам найти глубочайшие законы реальности. Эти законы для Флоренского несли на себе отпечаток свойств Эдема его детства, а именно:

- Эдем радикально внеположен остальному миру, имеет другой онтологический статус. Все, что вне его — бытием просто не обладает. Он настолько от всего отделен, что являет собой черты превосходства, избранничества, элитарности. Такой взгляд на Эдем стал формирующим принципом для понимания

1 Флоренский П. А. Об одной предпосылке мировоззрения // Вестн. 1904. № 9. С. 24.

2 Флоренский П. А. Воспоминания детства (цит. по: Хоружий С. С. Мирозерцание Флоренского. Томск, 1999. С. 7).

3 Цит. по: Ромашев Ю. А. Научные работы Павла Флоренского в контексте его мировоззрения // Наука и вера в диалоге. Пьер Тейяр де Шарден и Павел Флоренский. СПб., 2007. С. 13.

о. Павлом культуры, которая есть осознанная борьба с всеобщим уравниванием; она стремится к увеличению разности потенциалов — иными словами: она есть выраженный анти-энтропийный процесс во всех своих сферах, противостояние жизни всеобщему обезличиванию, равенству смерти.

- Эдем имеет замкнутое пространство, соответственно, физический космос для Флоренского также замкнут.
- Важным свойством Эдема является его неизменность в совершенстве. Это специфическое детское восприятие сказывается последующим активным неприятием о. Павлом всех идей эволюции, прогресса, развития.
- В Эдеме все родственно всему: люди, природа, звуки, запахи, формы. Это мир родного, родственных связей. Все, что безродно, то пусто и ничтожно. Это видение вполне соответствует библейскому понятию «Толдот» — Книге Родства, в которую вписаны все богоспасаемые действующие лица Священной Истории. Следствием такого видения было то, что о. Павел всегда придавал большое значение генеалогии, родству — это понятие выходило у него за рамки чисто биологического.
- Эдем предстал для мальчика, прежде всего, как мир природы. Для него созерцание природы — это влюбленное, экстатическое вглядывание и вчувствование. Детское мировосприятие мистично: происходит соединение наблюдателя с наблюдаемым. Весь ранний период жизни о. Павла Флоренского есть опыт чувственного восприятия, который становится базовым для мыслителя. Впоследствии каждое рассматриваемое им явление будет всегда представлять в его конкретной чувственной данности. Причем, такой исследовательский подход распространится у него как на объекты природы, так и на явления из сферы духовного мира. С этой установкой связано одно из ключевых понятий метафизики Флоренского — понятие *конкретности*. Одухотворение чувственного, оправдание его — позиция, диаметрально противоположная позиции Вл. Соловьева, выраженной им в стихах:

*«Не веруя обманчивому миру
Под грубою корою вещества
Я прозревал нетленную порфиру
И созерцал сиянье Божества»⁴.*

4 Соловьёв С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 29.

О. Павел не желал выступать автором какого-либо особого философского учения, но свой труд 20-х годов «У водоразделов мысли» он снабдил подзаголовком «Черты конкретной метафизики». В соответствии с этим подходом процесс постижения реальности сводится к чему-то срединному между романтическим вчувствованием и естественнонаучным исследованием. В этом процессе ключевую роль играет понятие символа, центральное для всего мировосприятия о. Павла.

Можно увидеть некоторые характерные черты *конкретной метафизики*:

- преобладающее внимание к деталям, к мелочам, к подробностям, описывающим изучаемое явление в его индивидуальности;
- отвращение к отвлеченным общим схемам и суждениям;
- описание духовных предметов через чувственные характеристики.

Самое яркое отличие стиля о. Павла Флоренского состоит в том, что все аспекты реальности описываются им «на языке чувственной предметности и пластической образности»⁵.

Детский Эдем Флоренского, конечно, не устоял перед напором реальности. Принеся ценный для формирования его личности мировоззренческий плод, он был разрушен. Впоследствии новым обретенным Раем стала для него Троице-Сергиева Лавра. Этот факт — важнейшая сторона жизни о. Павла.

Еще отроком он проявил блестящие математические дарования. Кроме того, рано обозначился его талант естествоиспытателя: наблюдение эффекта свечения в мире насекомых стало темой его первой научной публикации. Статья юного Павла Флоренского, обратившая на себя внимание, была опубликована в Германии, на немецком языке, когда автору было 12 лет. Тема «холодного свечения» впоследствии рассматривалась им в связи с газами и другими флюоресцирующими веществами. После завершения «с отличием» гимназии, Павел поступил в Московский университет, в котором учился на физико-математическом и на историко-филологическом факультетах. Завершающим этапом его образования была Московская духовная академия. Математика и прикладные научно-технические дисциплины стали фокусами, вокруг которых описалась орбита его основных естественнонаучных интересов. Возникла потребность выстроить философское миропонимание, опирающееся на математический фундамент. Таким образом, интерес к математике определялся для него философскими перспективами.

В его речи, подготовленной для открытия Студенческого отделения Московского математического общества в МГУ⁶, говорилось: «Если математические законы — законы космоса, понимаемого в самом широком смысле, то идеи этих законов должны быть руководящими принципами нашего представления о космосе. Я не говорю о теоретической физике и подобных ей науках — там математика только средство. Она должна и может быть основой мировоззрения. Дело идёт о конкретизировании, наполнении содержанием символов математики. Формула не может и не должна оставаться формулой только. Она есть формула чего-нибудь. И чем богаче те ассоциации, которые у нас соединяются с формулой, чем многостороннее ее реальное содержание, тем мы лучше ее понимаем и тем стройнее объединяются конкретные явления в жизненный организм идей — мировоззрение <...> Пусть формулы не будут формулами в возможности, а станут формулами в действительности, формулами чего-нибудь <...> пусть они перестанут быть пустым единством без множества, которое они должны объединять <...> Тогда математика займет принадлежащее ей место «царицы наук», центра мировоззрения»⁷. Это рассуждение о Павла ставит целый ряд вопросов о сущности математики. Можно увидеть в нем отголосок средневекового «спора об универсалиях», в котором Флоренский призывает преодолеть номиналистское понимание математических формул.

Отношение к математике на протяжении жизни о. Павла проходило разные этапы, трансформировалось, став для него *символическим* описанием действительности. Отметим, что его отношение к символу характеризуется фразой: «Всю свою жизнь я думал только об одной проблеме — о проблеме Символа»⁸. Математика, по Флоренскому, напрямую касается человеческого опыта посредством пространства — его структурно-формообразующих характеристик.

Еще в раннем возрасте о. Павел увлекся диэлектриками и полупроводниками с точки зрения возможности их применения в различных инженерных решениях. Кроме того, он осуществил математическое описание работы трансформаторов. Этот факт свидетельствует о том, что Флоренский может считаться основателем отечественного производства трансформаторов — важнейшего звена в энергосистеме страны. Философско-идеалистический склад ума удивительным образом

6 Речь не была произнесена.

7 Историко-математические исследования / под ред. А. П. Юшкевича. Вып. XXX. М., 1986. С. 151.

8 Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 1992. С. 153.

сочетался в нем с незаурядным талантом инженера-конструктора и ученого-химика. Параллельно его ум был увлечен символикой мнимых чисел и комплексных величин, а также проблема поверхностей. Впоследствии, в 1918 г. он соединит эти проблемы с проблемой неевклидова пространства. Рассматривая эту проблематику, он осуществлял своеобразный синтез геометрии макро- и микрофизики. Так рождается его труд «О мнимостях в геометрии» 1922 г.

В 1918 г. о. Павел был приглашен в Московское высшее училище живописи, ваяния и зодчества, где он преподает основательно реформированную им теорию перспективы. С 1919 в качестве технического специалиста он приглашается на фабрику «Карболит», а с 1920 г. — в главный государственный электротехнический институт, осуществляющий программу «ГОЭЛРО». Кроме того, он был приглашен на один из высоких постов ВСНХ и в ГЛАВЭЛЕКТРО. В сфере его контроля и исследования были проблемы электромагнитного поля, электроизоляционных материалов и полупроводников. В 1924 г., состоя в штате сотрудников кафедры физики МГУ, он написал труд «Диэлектрики и их техническое применение». В предисловии к этому труду дан философский взгляд о. Павла на проблему диэлектриков. В переводе на язык поэзии, он изложен автором этих строк так:

Не обольщайся, человек:
Ты не творишь энергий новых —
В тобой построенных оковах
Бушует мощь природных рек.

В твоей лишь власти — направлять
Сил своенравные потоки,
Найти ты можешь их истоки
И русло нужное создать.

Обширны свойства вещества,
Одно из них неоценимо:
Энергий сдерживать разливы,
Напор смиряя естества⁹.

Одной из точек пересечения богословия с естествознанием и философией в мирозерцании о. Павла была проблема антиномий. «Бытие определяется антиномическим совмещением идей непрерывности и прерывности» — такова основная идея небольшой статьи о. Павла,

9 Рупова Р. Диэлектрики // Рупова Р. Огонь вещей. СПб., 2022. С. 284.

опубликованной в журнале «Весы» в 1904 г., которая положила начало его многоаспектному труду «У водоразделов мысли». Вопрос об антиномиях стал существенно важным в научном и богословском творчестве о. Павла. Он затрагивает сферу его непростых отношений с И. Кантом, а также касается его богословских позиций. Для Флоренского «истина (положение вероучения) есть антиномия»¹⁰. Возражая на эту максиму, вводимую как некий дополнительный догмат об обязательной антиномичности христианской догматики, можно привести неантиномичные положения Символа веры — об исхождении Духа Святого от Отца или о Втором Пришествии Христа.

Тема антиномий, приложимая к самым разным сторонам реальности, затронула также вопрос о принципах устройства мира: заложен ли в нем закон прерывности или непрерывности. На эту тему размышляли многие мыслители до Флоренского и пришли к противоположным выводам. В науке сформировался некий *lex continualis* (закон непрерывности), разделяемый многими учёными, так что за гранью рассмотрения оказались многие вопросы, требующие иного подхода. Идея непрерывности пустила глубокие корни в биологии, в учении об эволюционизме, в геологии, в палеонтологии. «Начиная с Бюффона и Дарвина история науки представляет собой картину грандиозной подмены подлинной экспериментально-умозрительной науки — гипертрофированной и постулятивной идеей непрерывности, превратившейся в безальтернативную предпосылку для многих учёных»¹¹. Идея непрерывности овладела всеми дисциплинами от богословия до механики.

Возражая на это, о. Павел писал: «У нас нет никаких оснований ожидать, чтобы все явления оказались непрерывными; мало того, это вообще невероятно, и, наоборот, есть чисто фактические данные, доказывающие существование прерывности во многих сторонах действительности»¹². Очевидно, что идея прерывности является ключевой для квантовой теории современной физики и опирающейся на нее философии. Непрерывность для Флоренского, как консервативная модель истолкования природы, есть реакционное отрицание диалектичности мироустройства. У о. Павла идея прерывности является внутренним формообразующим принципом как всей библейской космогонии,

10 Цит. по: Хоружий С. С. Мирозерцание Флоренского. С. 82.

11 Ильин В. Отец Павел Флоренский. Великое чудо науки XX века. Рукопись. МДА. Инв. № 125384. С. 19.

12 Флоренский П., свящ. Об одной предпосылке мировоззрения // Флоренский П., свящ. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1994. С. 75.

так и христианской догматики. В духе антиномичности он предложил рассматривать непрерывность как частный случай прерывности. Исходя из нашей исторической перспективы видно, что в этом вопросе о. Павел был абсолютно прав: вся индустрия информационной цивилизации опирается на двоичное цифровое кодирование, то есть на дискретные способы описания самых разнообразных процессов. Но антиномический подход самого о. Павла Флоренского требует определения места и сферы непрерывного в мире. Фундаментальное открытие корпускулярно-волнового дуализма микрочастиц, как универсальной характеристики материи, может быть экстраполировано на принципы устройства мира не только на микро-, но и на макроуровне. Эта сфера непрерывного связана с процессами биологического роста, развития, трансформаций в живых организмах. Непрерывность в системе мироустройства обосновывали Лейбниц и Бергсон.

Есть еще немало вопросов в творчестве о. Павла Флоренского, которые было бы важно и интересно рассмотреть, но даже обзорно они не вписываются в рамки небольшой статьи. Оценки же его творчества колеблются от восторженных до полного отрицания, как не вписывающегося в рамки православного учения. Размышляя над этим фактом и понимая, что о. Павел Флоренский до конца прошел свой крестный путь, можно утверждать следующее. Весьма сложный и катастрофичный XX век породил великих мыслителей, с разных философских широт пришедших в Церковь. К их числу, безусловно, относится о. Павел Флоренский. Подобно скульптору, он вырубил в мраморе мысли чудесные изваяния своих глубоких теорий. Наша задача — довести его масштабные проекты до завершенности, внося в них выверенные богословские коррективы, на которые уже способна современная богословская наука. Таких корректив требуют, к примеру, труды о. Сергия Булгакова, В. Лосского. Эта работа уже ведется (в частности — в диссертационных исследованиях) и может принести ценнейшие результаты, актуализируя для Церкви плоды творческой мысли различных великих мыслителей.

В целом, можно согласиться с оценкой творчества о. Павла Флоренского, данной С. И. Фуделем, и, вслед за ним, С. С. Хоружим: как бы ни решались затрагиваемые им темы, но их жизненным нервом, искомым всей его философской работы, по существу, всегда оставалось воцерковление мысли¹³. Это достигалось тем, что все сокровища христианской

13 См.: Хоружий С. С. Мирозерцание Флоренского. С. 142.

духовности — жития святых, иконография, аскетические тексты, богослужебные чины, святоотеческие писания — вовлекались им в орбиту философской мысли. И, встречно, философская мысль, а также весь комплекс охваченных им естественнонаучных тем вовлекались в сферу живой религиозной жизни, вынуждались встретиться с конкретностью церковного христианства. «И пусть тысячу раз мы решим, что те или иные суждения философа могут быть признаны лишь своемыслием и произволом, а вовсе не голосом соборного церковного опыта; но, выясняя это, мы философствовали в элементе живого опыта православия. Мысль наша пребывала при этом в области Святых Таинств, литургики, аскетики, гимнографии, всех богатств православной церковности — и никто другой, как о. Павел властно направил ее туда. Этого за ним никто уже не оспорит»¹⁴.

Источники

- Историко-математические исследования / под ред. А. П. Юшкевича. Вып. XXX. М.: Наука, 1986.
- Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: Московский рабочий, 1992.
- Флоренский П. А. Об одной предпосылке мировоззрения // Весы. 1904. № 9. С. 24–34.

Литература

- Ильин В. Отец Павел Флоренский. Великое чудо науки XX века. Рукопись. МДА. Инв. № 125384.
- Ромашев Ю. А. Научные работы Павла Флоренского в контексте его мировоззрения // Наука и вера в диалоге. Пьер Тейяр де Шарден и Павел Флоренский. СПб.: Изд. СПбГУ, 2007. С. 11–20.
- Рупова Р. Огонь вещей. СПб.: Алетейя, 2022.
- Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель: Жизнь с Богом, 1977.
- Флоренский П., свящ. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1994.
- Хоружий С. С. Мирозерцание Флоренского. Томск: Водолей, 1999.

РУССКАЯ ПАТРОЛОГИЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ПРИНЦИПЕ «CONSENSUS
PATRUM» В РУССКОЙ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
БОГОСЛОВСКОЙ НАУКЕ.
ЧАСТЬ 2:
АКАДЕМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ: ДОГМАТИКА
И ПАТРОЛОГИЯ

Саркис Вадимович Санаянц

магистр богословия

141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия

focus1987@bk.ru

Для цитирования: Санаянц В. С. Представления о принципе «consensus patrum» в русской до-революционной богословской науке. Часть 2: Академическая мысль: догматика и патрология // Вопросы богословия. 2023. № 1 (9). С. 23–37. DOI: 10.31802/PWG.2023.9.1.002

Аннотация

УДК 271.2-284

Вторая часть работы посвящена разбору принципа «consensus patrum» в русской до-революционной науке в среде академической богословской мысли. В первом разделе статьи рассмотрено, как относились к принципу «согласия отцов» авторы догматических пособий XIX века, во втором представлены взгляды известных патрологов, в мнениях которых обнаруживается единомыслие по данному вопросу.

Ключевые слова: согласие отцов, Вселенские Соборы, догматическое богословие, патрология.

**Views on the Principle of «Consensus Patrum»
in Russian Pre-revolutionary Theological Science.
Part 2: Academic Thought: Dogmatics and Patrology**

Sarkis V. Sanayants

MA in Theology

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141300, Russia

focus1987@bk.ru

For citation: Sanayants, Sarkis V. "Views on the Principle of «Consensus Patrum» in Russian Pre-revolutionary Theological Science. Part 2: Academic Thought: Dogmatics and Patrology". *Theological Questions*, no. 1 (9), 2023, pp 23–37 (in Russian). DOI: 10.31802/PWG.2023.9.1.002

Abstract. The second part of the paper is devoted to the analysis of the principle of «consensus patrum» in Russian pre-revolutionary science among academic theological thought. The first section of the article considers how the authors of 19th century dogmatic manuals treated the principle of the «consensus of the fathers»; the second section presents the views of famous patrologists, whose opinions reveal unanimity on this issue.

Keywords: consensus of the fathers, Ecumenical Councils, dogmatic theology, patrology.

Введение

В среде русской академической богословской мысли XIX в. затрагивался, хотя и не всегда напрямую, вопрос о роли святоотеческой мысли в формировании догматического учения Церкви. Во многом эта роль была связана с принципом «consensus patrum», который является для богословов определяющим в утверждении единства догматической веры Церкви. Стоит признать, что не всегда и не везде можно увидеть у святых отцов единое мнение по всем вопросам, особенно касаясь предметов, не связанных напрямую с догматическими истинами (например, в философии, науке, политике и прочее). Однако единство их мнений в основополагающих предметах веры является той базой, на которой строится церковное вероучение.

Догматические и патрологические труды русских богословов XIX в., в которых упоминается, прямо или косвенно, принцип «consensus patrum», пытались, с одной стороны, подчеркнуть важность мнений святых при исповедании основных догматов веры, с другой — показать, что некоторые их мысли и идеи, не имеющие определяющего сотериологического значения, могли быть сформированы философским, социальным, научным и политическим контекстом своего времени.

1. Догматическая наука

Архиепископ Антоний (Амфитеатров)

Архиепископ Антоний (Амфитеатров), издавший в 1848 г. труд под названием «Догматическое богословие», выделяет два аспекта, влияющие на статус письменных трудов святого отца: близость к временам апостолов и святость жизни, сопряженной с чистотой ума. В случае соответствия этим критериям, их труды «могли излагать только здоровое, истинное и совершенно согласное с Божественным Откровением учение»¹. Доверие трудам древних святых тесно граничит с принципом «согласия». Поэтому патрология, как новое направление в академической среде, представляет для владыки важную богословскую дисциплину. В писаниях отцов, которые изучает данная дисциплина, находится «всегда готовый, обильный и чистый источник и образец подлинного учения святой Церкви»².

1 Антоний (Амфитеатров), архим. Догматическое Богословие. СПб., 1862. С. 12.

2 Там же. С. 17.

Несмотря на такое трепетное отношение к трудам святых, архиепископ Антоний всё же полагает некоторые ограничения в использовании святоотеческого материала. Перечисляя символы Вселенских Соборов и некоторых святых (куда попал и западный «символ св. Афанасия»), он лишь на шестом месте говорит о «исповеданиях веры и окружающих посланиях некоторых св. отцов», которые «одобренны вселенской Церковью», и после этого упоминает о тех, «кои согласно всей Церкви признаны вселенскими учителями и столпами православия»³. Далее он перечисляет пять известных святых, наиболее авторитетным из которых является прп. Иоанн Дамаскин, составивший «первый образец Богословия Догматического»⁴. Таким образом, говоря о «согласия отцов», как об общеобязательном для всей Церкви принципе исповедания веры, архиепископ выделяет пять наиболее авторитетных. Не умоляя значения писаний других отцов, он ограничивает круг догматически важных лишь теми, которые «согласно всей Церкви признаны вселенскими учителями и столпами православия»⁵, и здесь, согласно арх. Антонию, выражен принцип «*consensus patrum*», понимание которого состоит в том, что «столпы» Церкви пишут согласно с Преданием, Церковь же одобряет их писания, как непротиворечащие общему исповеданию веры.

Митрополит Макарий (Булгаков)

Наиболее выраженное проявление схоластического подхода в изложении вероучения находится в трудах по догматическому богословию митрополита Макария (Булгакова). В них митрополит использует авторитет Церкви для безусловного утверждения того или иного догмата, подкрепляя его цитатами из Писания и отцов. При этом, как подчеркивает проф. Глубоковский, человек подчиняется этому догмату «насильно»⁶, ему не дается свободы в рассмотрении догмата как живой исторической истины. Автор использует внушительную святоотеческую базу, чем определяет в некоторой степени, «возрождение святоотеческой традиции в русском богословии»⁷. Но, как отмечает прот. Г. Флоровский,

3 Там же. С. 36.

4 Там же.

5 Антоний (Амфитеатров), архим. Догматическое Богословие. С. 36.

6 Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 7.

7 Лисовой Н. Н. История русского богословия. М., 2002. С. 15.

святоотеческие цитаты подбирались митрополитом специально с целью утверждения определённого догмата. Таким образом, сам принцип «согласия отцов» может быть обоснован автором догматического пособия «умышленно»⁸. В целом, его метод схоластического изложения церковных истин Флоровский называет «безжизненным и неубедительным»⁹.

Учение отцов строится на основании Предания, «от апостолов передаваемого». Апостолы же «сами себе противоречить не могли». Непротиворечие отцов, хранящих предание, строится на согласии апостолов, которые его передавали, а критерием истинности самого апостольского предания является согласие с Писанием, и то, что «единогласно выдают нам за Предание Апостольское все или только многие учителя Церкви III, IV и V веков». Именно эта эпоха недалеко отстоит от времён апостолов и их ближайших преемников, а потому может считаться наиболее авторитетной для утверждения общей догматической веры Церкви.¹⁰ Таким образом, решающее значение здесь играет фактор древности.

Автор, защищая правоту восточной Церкви перед лицом западных церквей, говорит о важном критерии: «непогрешительном учении Древней Церкви вселенской». Оно строится на «согласном свидетельстве всех отцов и учителей»¹¹, в котором он уделяет особое внимание древности живших писателей и близости их ко временам апостолов, то есть мужей апостольских, которые являлись свидетелями апостольского Предания. Упоминает митрополит и о том, что Вселенские Соборы после Писания всегда ссылаются на «единодушное согласие древних знаменитых своих учителей», что подтверждается фразой о «последовании Божественным отцам», общеупотребительной для соборных постановлений¹². При этом митрополит Макарий, говоря о «согласии» всех отцов в вопросах откровения, подчеркивает важный для понимания принципа консенсуса критерий: каждый отдельный отец не имеет такого же авторитета во всех своих мнениях, каким обладает их общее учение в самых важных вопросах. «Отцы не были боговдохновенны, подобно св. пророкам и апостолам»¹³, поэтому их писания не то же самое, что Писания Священные и постановления соборные. В случае

8 Флоровский Г., *прот.* Пути Русского Богословия. М., 2009. С. 285.

9 Там же.

10 Михаил (Булгаков), *митр.* Введение в православное богословие. М., 2000. С. 436.

11 Там же. С. 467.

12 Там же. С. 470.

13 Михаил (Булгаков), *митр.* Введение в православное богословие. С. 471.

разногласий между ними «голос самих отцов должен быть уже повелеваем... голосом Церкви вселенской»¹⁴. Когда отцы говорят о предметах философских, научных и не относящихся до вероучения, они, по мнению автора, вообще должны быть рассматриваемы «как обыкновенные учёные, и так же могли погрешать, как погрешают все люди»¹⁵. Поэтому авторитет святого отца может быть применим прежде всего к области вероучительной, но не научной, не как аргумент в естественнонаучных спорах.

Владыка Макарий осуждает неумеренную ревность в выискивании разногласий или погрешностей среди древних отцов и учителей. Те, кто так делают, «уподобляются Хаму», который разгласил братьям наготу отца и посмеялся над этим. Потому, замечает владыка Макарий, необходимо согласиться с прп. Викентием, который говорил о согласии не абсолютно всех, но многих¹⁶.

Святитель Филарет (Гумилевский)

О святых отцах свт. Филарет учил, что «обитание в них Духа Божьего» не подразумевает их равенство с апостолами и пророками, как об этом говорил и митрополит Макарий. Если апостолы были непосредственно водимы Духом Святым, то святые отцы находились в «зависимости от их личных свойств и дарований»¹⁷. Человеческий фактор, на который указывает святитель, допускает возможность ошибок. Главным же критерием проверки мнений отцов является Священное Писание: «Высшим судилищем для дознания несомненной верности мыслей отцов Церкви остаётся Слово Божье»¹⁸. Принцип «согласия отцов» понимается у святителя как согласие с Писанием.

С одной стороны, свт. Филарет говорит о едином Духе, который действовал и в апостолах, и в отцах, но последним благодать Духа не придавала непогрешимости, из чего следует их меньший и безусловный авторитет. С другой — их труды должны быть проверяемы Писанием, поскольку могут содержать в себе некоторые заблуждения. Потому, как замечает прот. Георгий Флоровский относительно позиции

14 Там же. С. 472.

15 Там же.

16 Там же. С. 480.

17 *Филарет Черниговский, архиеп.* Историческое учение об отцах Церкви. Т. 1. СПб, 1859. С. 11.

18 Там же. С. 12.

свт. Филарета, неправомочно отождествлять писания отцов с Преданием: в этом случае придётся либо все мнения отцов принять как общецерковные, либо стереть «лишнее» в их учении, уничтожив при этом истинный облик каждого автора¹⁹. Отцы Церкви, хотя и водимы были одним и тем же Святым Духом, при этом оставались людьми своей эпохи, «они спорили и ораторствовали, философствовали, и были филологами, и при том даже ошибались»²⁰.

Профессор А. Л. Катанский

Профессор А. Катанский считает, что писания отцов есть «единственное средство, чтобы оживить нашу вялую и скудную богословскую мысль»²¹. Профессор везде, где возможно, доказывает неизменность и согласность учения святых отцов по определенным предметам веры. У него присутствует конкретный взгляд на принцип «согласия отцов». Он противопоставляет его протестантским идеям о том, что святые отцы считаются «только учёными богословами своего времени без всякого авторитетного значения»²². Православие «смотрит на то, в чем все отцы Церкви между собою согласны, как на церковное Предание», а само Предание «как второй источник веры» после Писания, так как Предание происходит от одного и того же Духа, Который говорил в пророках и апостолах, «а ныне изрекает устами отцов церкви и на вселенских соборах»²³. При этом значение святых отцов в Церкви он ограничивает, говоря, что они имеют авторитет «не всецело и не сами в себе, а только в той мере, в какой они были органами Духа Божия и вселенского предания»²⁴.

Святитель Сильвестр (Малеванский)

Свт. Сильвестр подчеркивал значимость голоса определенных выбранных церковных учителей в качестве основы для формирования церковного Предания. Особое значение у святителя имели древние отцы и учителя, так как они по времени жизни близки к апостолам,

19 Флоровский Г., прот. Пути Русского Богословия. С. 291.

20 Там же.

21 Там же. С. 482.

22 Катанский А. Л. Характеристика православия, римского католичества и протестантства // Христианское чтение. 1875. № 1. С. 26.

23 Там же.

24 Там же.

«подготовляли вероопределения для Соборов, или разъясняли и защищали»²⁵. Рассматривая учение о Церкви в доникейский период, владыка сравнивает мнения самых известных отцов и учителей. Он приходит к выводу, что они «ни в чем не расходятся между собою»²⁶. Но стоит отметить, что голос отцов и учителей, происходящий даже из сомнительного источника (здесь он упоминает Оригена, Климента Александрийского и Тертуллиана), всегда будет иметь силу и найдёт свою нишу в Предании только при «согласии с голосом всей Церкви»²⁷.

«Общее согласие или голос всей Церкви», есть «верный признак истины», но он выражен на соборах, где общим согласием освобождается и очищается «от всего личного и своекорыстного»²⁸. Именно принцип соборного разума, очищающий «личное», соответствует исповеданию Церкви в отношении святоотеческих мнений.

Протоиерей Николай Малиновский

Протоиерей Николай в свои трудах о догматическом богословии Православной Церкви уделяет внимание описанию того, что, представляет из себя понимание Церковного Предания, В это понятие входит как апостольское предание, то есть непосредственно переданное от Господа через апостолов, так и в «общем или широком смысле», то есть «свидетельство вселенской церкви»²⁹. Свидетельство полноты Церкви о том или ином предмете вероучительных истин, которое не содержится в полноте в Священном Писании, является определяющим для всех христиан. Что это за свидетельство и как оно выражено? Помимо различных важных внешних выражений в виде правил соборов, символов веры и литургических текстов, он приводит также «творения всех древних отцов и учителей»³⁰. Неужели следует принимать все голоса всех «отцов» древности? Нет, но именно тех, которые соответствуют принципу, известному нам по творениям прп. Викентия: повсеместность,

25 *Сильвестр (Малеванский), архиеп.* Опыт православного догматического богословия. Т. 1. СПб., 2006. С. 54.

26 *Сильвестр (Малеванский), архиеп.* // *Сильвестр (Малеванский), архим.* Учение о Церкви в первые три века христианства. Киев, 1872. С. 289.

27 Там же. С. 290.

28 Там же. С. 316.

29 *Малиновский Н., прот.* Православное догматическое богословие. Т. 1. Сергиев Посад, 1910. С. 84.

30 Там же. С. 86.

непрерывность и всеобщность. Далее Малиновский цитирует фразу прп. Викентия, с которой соглашается в том, что только те определения или положения следует считать церковными и апостольскими, которых «держались все, или, по крайнем мере, почти все пастыри и учителя... как будто по какому предварительному согласию между собою... единомысленно принимают, содержат и передают»³¹. Определение принципа «согласия отцов», данное прп. Викентием, полностью разделяет и прот. Николай, хотя и ставит его после свидетельств соборных, символических и литургических.

Также прот. Николай Малиновский цитирует И. Овербека, православного писателя-богослова, пришедшего из инославия. Овербек, критикуя папство как ненормальное явление жизни Церкви, опровергал ложное воззрение на принцип «согласия отцов», которое использовали католики для обоснования своего вероучения³². Используя большое количество цитат отцов, вырванных из контекста, а также возможно ошибочных мнений святых, католики пытались завоевать доверие слушающих именно количеством, а не качеством и верной интерпретацией сказанного отцами. Овербек отличает «субъективное и чисто личное мнение», не могущее служить убедительным основанием для догматической опоры, от «согласия отцов», которое имеет «решающее значение» для догмата. Хотя Овербек признает авторитет писаний отцов, он все же считает, что они «были способные погрешать люди», и не всегда могли следовать Преданию³³. Таким образом, прот. Николай соглашается с Овербеком в том, что критерий «отбраковки» ложности папизма лежит в правильном следовании принципу «согласия отцов», о котором упоминает западный православный богослов. Хотя в данном вопросе западные богословы находят приемлемое для них «согласие» среди отцов для оправдания папства, однако приведенный ими консенсус во многом основан на вымыслах, фраз, вырванных из контекста, позднейших интерполяциях, что не служит верному прочтению «согласия отцов», который подтверждает именно православное исповедание веры³⁴.

Хотя «у св. отцов встречаются мнения ошибочные»³⁵, для опровержения конечности мучений грешников Малиновский прямо ссылается

31 Цит. по: Там же.

32 Малиновский Н., прот. Православное догматическое богословие. Т. 3. СПб., 2006. С. 734.

33 Там же. С. 735.

34 Там же. С. 735–738.

35 Там же. С. 750.

на «согласное учение отцов и учителей церкви всех веков»³⁶, которые опровергали и убедительно защищали библейскую веру в бесконечность мучений грешников и бесов. Вера в единодушие и согласное учение отцов за исключением редких разногласий среди отцов у прот. Николая выражена довольно определенно, и он часто пользуется авторитетом их учения для опровержения заблуждений инославных христиан, а также показывая истинность православной веры в бесконечные мучения грешников.

2. Патрологическая наука в XIX веке

Следует признать, что принцип «согласия» признают если не совершенно все, то большинство русских богословов предреволюционной эпохи. Особенно это заметно среди патрологов. Патрология, как относительно новая наука в русском богословии, введённая в семинарии и академии при обер-прокуроре Протасове, детально занимается изучением отцов Церкви и учителей. Несмотря на различные *theologumena*, она все же признает за отцами и их учением высочайший авторитет в Церковном Предании³⁷.

В связи с возникновением патрологии проф. Н. Глубоковский отмечал, что это свидетельство о возросшем интересе русского богословия не только к доктринальному учению святых, но и к историческому контексту, в котором развивались их мысли, которые могли применять верное истолкование Священного Предания «к интеллектуально-жизненным потребностям каждой взятой современности»³⁸.

Профессор Н. Сагарда

Сугубое влияние, которое оказывали отцы на развитие и сохранение церковного вероучения, обусловлено несколькими факторами: светским образованием и изучением Священного Писания, а также святостью их жизни, «которая является необходимым восполнением научного образования»³⁹. При этом признание трудов святых со стороны Церкви есть

36 Там же. С. 694.

37 *Иоанн (Король), иером.* Развитие богословия в Русской Церкви в XIX в. // Богословско-исторический сборник. Юбилейный выпуск. Калужская духовная семинария. 2016. С. 163.

38 *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. С. 66.

39 *Сагарда Н. И.* Полный курс лекций по патрологии. СПб., 2004. С. 37.

тот обязательный критерий, который придает этим творениям «в некотором смысле» общеобязательный церковный авторитет⁴⁰. Профессор Николай Сагарда указывает, что писания святых не обладают тем же авторитетом, какой имеет Священное Писание, потому что голоса пророков и апостолов «бог вдохновенны», а отцы имели, как известно, «противоречия». Потому единый непогрешимый авторитет он усвоит только Церкви, как «хранительнице Божественных обетований»⁴¹.

Что важно для профессора в этом вопросе? Близость святого ко времени апостольства (критерий древности), а также авторитет отца, как учёного, богослова и подвижника. «Согласное свидетельство нескольких отцов» имеет больший вес в принятии того или иного мнения как истинного и церковного, при этом истинность мнения «тем больше, чем больше число их (отцов) и авторитет»⁴².

В случае разногласия отцов, когда есть две или более позиции в совокупности мнений, необходимо прийти к следующему выводу: «По данному вопросу отеческая письменность не даёт непререкаемого учения»⁴³. Для этого необходимо знать контекст жизни писателя, изучать эпоху, в которой он творил. Проще говоря, по вопросам спорным отцы могли не иметь единодушия в силу того, что данные мнения не являются существенными для Церкви. В таких вещах возможна полемика. Но по «существеннейшим вопросам отцы Церкви обнаруживают единодушное согласие», они как бы «согласный хор», и в нем невозможно найти разногласия мнений. Можно с уверенностью говорить о том, что учение, основанное на согласии отцов, есть учение Церкви, которое «они получили от своих предшественников», и оно «должно стоять вне всяких подозрений и сомнений»⁴⁴. Таким образом несмотря на то, что в отдельности каждому отцу Церкви свойственно ошибаться, и он не имеет того же авторитета, какой имеет вся полнота Церкви, в том числе апостолы и пророки, однако совместный голос признанных святых является «общим и постоянным» учением Церкви, который «должно рассматривать... как церковный догмат»⁴⁵. Ссылаясь на то, что сами Вселенские Соборы использовали этот принцип как основание своих догматических формулировок, профессор все

40 Там же. С. 38

41 Там же. С. 39.

42 Там же. С. 40.

43 Там же. С. 41.

44 Там же. С. 42.

45 Там же.

же подчёркивает, что область всеобщего «согласия отцов» относится не к разработке вероучения, а к сохранению апостольского Предания, потому что отцы «не творцы церковного вероучения, а свидетели его»⁴⁶.

Профессор С. Епифанович

Ещё один русский патролог начала двадцатого века, «рыцарь богословия»⁴⁷, профессор КДА Сергей Леонтьевич Епифанович, отмечает особое значение писаний святых отцов. Они были «выразителями и истолкователями апостольского Предания»⁴⁸. Сергей Леонтьевич, как и его предшественники, разделяет апостольское и святоотеческое Предание сообразно их авторитету, где первое — источник и причина второго. Статус писаний святых мужей возрастал по мере развития богословского и догматического сознания Церкви. Отцы стали мерилom истинного апостольского учения, на них ссылались соборы и другие святые отцы после них. Но, несмотря на их высокое значение для церковного Предания, они «не обладают непогрешимостью», не «богодухновенны», а «богопросвещенны», и могут высказывать не общецерковное, но собственное, личное мнение⁴⁹. Потому, дабы избежать манипуляций с учением различных святых отцов, подбирая нужное по своему личному усмотрению, произвольно, необходимо знать, в какие моменты святой отец выражает Предание Церкви, а в какие — своё личное мнение. Внешние критерии определения статуса вероучительных мнений святого бывают нескольких видов. Во-первых, сама речь говорившего отца могла помочь в определении того, личное или общее мнение высказывает святой⁵⁰. Во-вторых, критерий святости писавшего — за что прославлен, путь его жизни в Церкви. Внутренние же критерии оценки мнений святого таковы: согласие написанного с Писанием и «согласие всех между собой»⁵¹.

Принцип «consensus patrum» был принят Вселенской Церковью на соборах как руководящий, и, впоследствии, если «признанные» отцы высказывали по определенному вероучительному вопросу одно и то же мнение, то оно считалось апостольским Преданием и принималось

46 Там же. С. 43.

47 *Епифанович С. Л.* Лекции по патрологии. СПб., 2010. С. 6.

48 Там же. С. 47.

49 Там же. С. 49–50.

50 Этот же аргумент имел место и у профессора Н. Сагарды.

51 Там же. С. 51.

за таковое на соборах⁵². При этом профессор упоминает «отсутствие противоположных свидетельств со стороны других (нескольких) отцов»⁵³, как необходимое условие для принятия общецерковного мнения.

Принцип «consensus patrum» имеет свои ограничительные рамки. Все те случаи, «которые не относятся к существу христианской веры и жизни», могут быть по-разному отражены в писаниях святых отцов. Причём не имеют авторитетности мнения отцов, высказанные по вопросам философии и науки⁵⁴. Ещё одно ограничение в общецерковном употреблении принципа «согласия»⁵⁵: не все отцы имеют одинаковый авторитет, но «особое преимущество» здесь имеют «вселенские учителя», а также признанные самой Церковью на Вселенских Соборах некоторые другие отцы, высказывавшиеся по разбираемому на Соборе вопросу, имевшие в нем особую компетенцию. При этом не все сочинения отцов имеют одинаковый авторитет для принципа «согласия», но лишь те из них, которые упоминались на Вселенских Соборах⁵⁶. Таким образом, по мнению профессора, «согласие отцов» безусловно, существует, но оно подлежит ограничению определенным кругом отцов и их произведений, как правило, упоминавшихся на Вселенских Соборах, и по вопросам вероучительных истин особой важности.

Выводы

Выдающиеся догматисты и патрологи русской богословской мысли второй половины XIX — начала XX вв. были убеждены в существовании принципа «согласия отцов» и его важной роли в формировании вероучения Церкви. При этом они же подчеркивали, что святые отцы не были непогрешимы в своих суждениях. Они не имели такой же авторитет, какой придавался учению апостолов, Священному Писанию или Вселенским Соборам. Хотя согласное учение отцов и составляет одну из основ для формирования церковного Предания, в то же время сама Церковь

52 Там же. С. 52.

53 Там же.

54 Там же. С. 53.

55 Принцип «отечества» по замечанию Н. Глубоковского, представляет собой «идею преемственной передачи церковного достояния по духовному восприятию для хранения, развития и обогащения в последовательном прогрессе христианской жизни». (*Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. С. 65.)

56 *Епифанович С. Л.* Лекции по патрологии. С. 53–54.

в ее полноте судит о мнениях святых, их богопросвещенности и значении их трудов. Стремление все большее внимание уделять творениям святых отцов приобретает вид определённой тенденции в русском богословии второй половины XIX в. И хотя учение отцов постулируется как единое и цельное в своём развитии и влиянии на учение Церкви, введение принципа контекстуального прочтения их писаний говорит о том, что авторы догматических трудов стремились избежать «догматизации спорных моментов в святоотеческом богословии»⁵⁷. Только соборное сознание Церкви, в первую очередь в лице Вселенских Соборов, выносит окончательный вердикт соответствия того или иного мнения соборному разуму Церкви. При этом в спорных положениях вероучения «приходится ограничиваться частными мнениями древних отцов или современных богословов»⁵⁸.

Использование исторического контекстуального прочтения трудов святых рассматривает их учение в качестве помощника в раскрытии и уяснении догматических истин на каждом этапе истории Церкви. Принцип «согласия отцов» в контексте исторического формирования догматов является лишь верным раскрытием тех истин веры, которые хранятся в Церкви и ждут своего наиболее обстоятельного изучения и изложения без привнесения в них чего-либо нового.

Таким образом, хотя принцип «согласия» в целом довольно ясно очерчен многими академическими богословами, он стоит ниже «голоса» Церкви, который определяет святость и авторитет самого святого отца, а также ниже Священного Писания, в соответствии с которым оценивают истинность или ложность высказанных мнений⁵⁹. Вселенские Соборы (и не только они, но соборы вообще, как говорит об этом свт. Сильвестр), способны выбрать из мнений святых отцов и учителей Церкви истинное Предание, исключив личностный человеческий фактор. Соборы, выявляя «consensus patrum», сами определяют, какие из святых отцов высказывались единодушно по разбираемому вероучительному вопросу, а также какие их них имели в Церкви наибольший авторитет в учёности и святости (проф. С. Епифанович).

Завершая данное исследование, можно заключить, что, как утверждает проф. Н. Сагарда, «...по существеннейшим вопросам отцы Церкви обнаруживают единодушное согласие»⁶⁰, ограниченное лишь тем, что сама

57 Иоанн (Король), иером. Развитие богословия в Русской Церкви в XIX в. С. 163.

58 Лисовой Н. Н. История русского богословия. С. 17.

59 Иоанн (Король), иером. Развитие богословия в Русской Церкви в XIX в. С. 163.

60 Сагарда Н. И. Полный курс лекций по патрологии. С. 18.

Церковь на Вселенских Соборах определяет круг «признанных» отцов, чьё согласное свидетельство имеет силу догмата, при этом их «частные мелодии» могут в «своей совокупности помогать гармонии целого»⁶¹.

Литература

- Антоний (Амфитеатров), архим.* Догматическое Богословие. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1862.
- Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М.: изд-во Свято-Владимирского братства, 2002.
- Епифанович С. Л.* Лекции по патрологии. СПб.: Воскресение, 2010.
- Иоанн (Король), иером.* Развитие богословия в Русской Церкви в XIX в. // Богословско-исторический сборник. Юбилейный выпуск. Калужская духовная семинария. 2016. С. 150–169.
- Катанский А. Л.* Характеристика православия, римского католичества и протестантства // Христианское чтение. 1875. № 1. С. 3–32.
- Лисовой Н. Н.* История русского богословия. М.: Изд. совет РПЦ, 2002.
- Малиновский Н., прот.* Православное догматическое богословие. Т. 1. Сергиев Посад: СТСЛ, 1910.
- Малиновский Н., прот.* Православное догматическое богословие. Т. 3. СПб.: Аксион Эстин, 2006.
- Малиновский Н., прот.* Православное догматическое богословие. Т. 4. СПб.: Аксион Эстин, 2006.
- Михаил (Булгаков), митр.* Введение в православное богословие. М.: АСТ, 2000.
- Сагарда Н. И.* Полный курс лекций по патрологии. СПб: Воскресение, 2004.
- Сильвестр, архиеп.* Учение о Церкви в первые три века христианства. Киев: КПЛ, 1872.
- Сильвестр (Малеванский), свт.* Опыт православного догматического богословия. Т. 1. СПб.: Аксион Эстин, 2006.
- Филарет Черниговский, архиеп.* Историческое учение об отцах Церкви. Т. 1. СПб.: 2-ой отдел императорской канцелярии, 1859.
- Флоровский Г., прот.* Пути Русского Богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

61 *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. С. 66.

АПОЛОГЕТИКА

БОГОСЛОВСКО- ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАБОТ СВЯТЫХ ОТЦОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ XIX — НАЧАЛА XX в. ПО ТЕМЕ ПРИЧИН И ЦЕЛЕЙ СОТВОРЕНИЯ МИРА

Протоиерей Николай Баринов

специалист в области православного богословия
настоятель храма в честь святых Царственных
страстотерпцев г. Рязани
390020, г. Рязань, Московское ш., 65Б
o.nikolaos@yandex.ru

Для цитирования: *Баринов Н., прот.* Богословско-историографический анализ работ святых отцов Русской Православной Церкви XIX — начала XX в. по теме причин и целей сотворения мира // Вопросы богословия. 2023. № 1 (9). С. 38–52. DOI: 10.31802/PWG.2023.9.1.003

Аннотация

УДК 2-182

Предметом исследования данной работы являются труды святых отцов Русской Православной Церкви XIX — начала XX в. по теме причин и целей сотворения мира. В статье выявляется исторический контекст, пути развития богословия, различные школы, круг и характер источников, проводится ретроспективный и перспективный анализ. Всё это в полном объёме не исследовалось и является научной новизной.

Определены две группы мнений святых отцов и синтезирован consensus patrum о причинах сотворения мира, это есть *благая свободная воля Божия*. Найдена богословская линия оптинских старцев, говорящая, что мир создан для человека, и её происхождение

от прп. Петра Дамаскина. Данное мнение известно в богословии, но проведенный анализ выявил перспективность и актуальность его использования для апологетики. Показана несостоятельность позиции, считавших это суждение эгоистичным. Подтвердились теории прот. Павла Хондзинского о «балансировании» богословия свт. Филарета Черниговского между Москвой и Киевом и прот. Олега Мумрикова о христологичности антропного принципа Вселенной. Введён новый термин: «христоцентризм вселенной», являющийся средоточием всех целей творения мира, обнаруженных в данной работе.

Ключевые слова: создание мира, антропный принцип, христоцентризм вселенной, цель мироздания, причины сотворения мира, русское богословие XIX – начала XX в., атеизм, Шестоднев, апологетика.

Theological-Historiographical Analysis of the Works of the Holy Fathers of the Russian Orthodox Church of the 19th – Early 20th Centuries on the Topic of the Reasons and Purposes of the Creation of the World

Archpriest Nikolay Barinov

Specialist in Orthodox Theology

Rector of the Church in Honor of the Holy Royal Passion-Bearers of Ryazan

Moskovskoe sh., 65B, Ryazan, 390020, Russia

o.nikolaos@yandex.ru

For citation: Barinov Nikolay, archpriest. "Theological-Historiographical Analysis of the Works of the Holy Fathers of the Russian Orthodox Church of the 19th – early 20th cent. on the Topic of the Reasons and Purposes of the Creation of the World". *Theological Questions*, no. 1(9), 2023, pp. 38–52 (in Russian). DOI: 10.31802/PWG.2023.9.1.003

Abstract. The subject of research of this work is the writings of the holy fathers of the Russian Orthodox Church of the 19th – early 20th cent. on the topic of the causes and purposes of the creation of the world. The historical context, the paths of development of theological thought are clarified, various schools, the range and nature of sources are identified, a retrospective and prospective analysis are carried out.

As a result of the work, it was possible to identify two groups of opinions of the holy fathers and synthesize from them a consensus *patrum* about the reasons for the creation of the world; this is the good free will of God. The theological line of the Optina elders has been found, saying that the world was created for man, and its origin is from St. Peter of Damascus. This opinion is known in theology, but the analysis revealed the prospects and relevance of its use for apologetics. The fallacy of the position of those who considered this judgment egoistical is shown. The theories of archpriest Pavel Khondzinsky on «balancing» the theology of St. Philaret of Chernigov between Moscow and Kiev and archpriest Oleg Mumrikov on the Christology of the anthropic principle of the Universe are confirmed in the work. A new term has been introduced: «Christocentrism of the universe», which is the focus of all the purposes of the creation of the world identified in this work.

Keywords: creation of the world, anthropic principle, christocentrism of the universe, the purpose of the universe, the causes of the creation of the world, Russian theology of the XIX – early XX century, atheism, the Hexaemeron, apologetics.

Введение

Данное исследование выявляет проблематику причин и целей сотворения мира в трудах святых отцов. Также статья рассматривает влияние на их мнения исторического фона. Автор производит попытку систематизации спектра их мнений, показывает развитие богословской мысли отцов в изучаемых трудах, как в ретроспективном ключе, так и в перспективных направлениях современной богословской мысли.

Причины обращения святых отцов XIX — начала XX в. к проблематике сотворения мира

XIX — начало XX в. принесли новые вызовы и испытания православной Церкви. Многим казалось, что ещё немного, и тайн мироздания для науки не останется, а религия превратится в отживший атавизм. Новые теории атеизма, нигилизма, материализма пытались нанести удар в первую очередь по библейскому описанию шестидневного творения мира, чтобы в самой основе попытаться опровергнуть веру в Бога. Данные вызовы побудили многих святых отцов того времени искать ответы. Например, «ложность» антропоцентризма обосновывалась атеистами бесконечностью вселенной и микроскопическим местом, занимаемым человеком в космосе. Опровергая это суждение, св. прав. Иоанн Кронштадтский и свт. Феофан Затворник показывали гармонию сотворенного мира, где среди «огромных тел»¹, «шаров», движущихся с огромной скоростью в бескрайнем пространстве, Господь создал Землю и венец творения — человека². А свт. Филарет Московский обосновывал эту мысль: «...бытие столь многочисленных, столь великих и величественных тел небесных всемогуществу Божию не более стоило, как произведение одной малой твари на малой земной планете»³.

В начале XX в. атеистически настроенные учителя в школах рассказывали, что библейская история — это миф, поскольку мир формировался миллиарды лет, а не шесть дней. Сщмч. Иоанн Восторгов писал по этому поводу, что Моисей не виноват в том, что через тысячи лет «астрономы потребуют, чтобы днем назывался определенный промежуток времени

- 1 *Феофан Затворник, свт.* Толкование послания апостола Павла к римлянам (главы 1–8). М., 2006. С. 124–125.
- 2 *Иоанн Кронштадтский, свящ.* Катехизические беседы. Кронштадт, 1859. С. 81–82.
- 3 *Филарет (Дроздов), свт.* Толкование на книгу Бытия. М., 2004. С. 43.

в 24 часа. Как же было назвать фазы творения мира до солнца? Если бы автор Бытия назвал их не днем, а как-нибудь иначе — это все равно не избавило бы его от упреков астрономов»⁴. Описанную причину обращения святых отцов к проблематике сотворения мира можно назвать апологетической.

Ещё одно обстоятельство, вызвавшее интерес святых отцов исследуемого периода к теме сотворения мира и человека по образу и подобию Божию, состоит в том, что оно напрямую касается многих аспектов повседневной христианской жизни и цели существования людей. Если человек, как говорят ученые атеисты, есть просто разумное животное, произошедшее от обезьяны, не имеющее бессмертной души, то все заповеди Божии не имеют никакого смысла. Этот вызов времени также побуждал святых отцов давать подобающие ответы.

Причины сотворения мира

В трудах святых отцов XIX — начала XX в. называются две причины сотворения мира. Одну из них можно сформулировать так: Бог сотворил мир по Своей благодати, любви и милосердию. Её указывают прпп. Амвросий Оптинский⁵, Вонифатий Феофановский⁶, сщмч. Иоанн Восторгов⁷, свт. Филарет Московский⁸.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский так же пишет, что Бог творил мир, движимый Своей благодатью⁹. Но он развивает мысль дальше, и говорит, что Бог сотворил мир «не по нужде, поскольку вседовольный и всеблаженный Бог ни в ком и ни в чем не нуждается»¹⁰. Выражение св. прав. Иоанна «не по нужде» означает «свободным произволением». Свт. Иннокентий Херсонский также указывает, что Бог создал мир свободной волей¹¹.

- 4 *Иоанн Восторгов, сщмч.* Социализм при свете христианства // *Иоанн Восторгов, сщмч.* Полное собрание сочинений. Т. V. СПб., 1995. С. 609.
- 5 *Амвросий Оптинский, прп.* Объяснение слов псалма: уста моя возглаголют премудрость // Собрание писем оптинского старца Амвросия. Оптина Пустынь, 2012. С. 364.
- 6 *Евстратий Голованский, иером.* Игумень Вонифатий. Основатель и строитель скита Феофані, принадлежащего къ Киево-Златоверхо-Михайловскому первоклассному монастырю, и наставник его Иванъ Босой. Киев, 1873. С. 109.
- 7 *Иоанн Восторгов, сщмч.* Полное собрание сочинений. Т. III. СПб., 1995.
- 8 *Филарет (Дроздов), свт.* Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий Катехизис. СПб., 1849. С. 1.
- 9 *Иоанн Кронштадтский, прот.* Живое слово мудрости духовной. СПб., 1911. С. 15.
- 10 *Иоанн Кронштадтский, свящ.* Катехизические беседы. С. 26–27.
- 11 *Иннокентий Херсонский, архиеп.* Учение о сотворении мира // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. VI. СПб., 1908. С. 718–720.

Свт. Филарет (Гумилевский)¹² и Феофан Затворник¹³ выражают оба мнения вышеназванных святых отцов, говоря, что Бог сотворил мир, движимый Своей благодатью по Своему свободному изволению.

Поскольку Бог благ, то и воля Божия, соответственно, благая. Поэтому логично соединить две указанные причины создания вселенной в одну — *свободная благая воля Божия*. Произведенный синтез можно считать полным выражением учения русских святых отцов XIX — начала XX века по вопросу о том, почему Бог сотворил мир.

Цель сотворения мира

Если с мнениями изучаемых святых отцов о причинах творения мира ситуация достаточно ясна, то по отношению к целям его создания существует множество мнений. Прп. Амвросий Оптинский пишет, что Господь создал всю вселенную для человека¹⁴. Так же считали прпп. Лев Оптинский (опираясь на творения прп. Петра Дамаскина)¹⁵, Макарий Оптинский¹⁶ и Варсонофий Оптинский¹⁷. Здесь можно увидеть преемственную богословскую линию, в ретроспективе уходящую на Афон, и далее к прп. Петру Дамаскину. Прпп. Лев и Макарий Оптинские были прямыми наследниками традиции прп. Паисия Величковского, в своё время подвизавшегося на Афоне. Прп. Паисий впервые перевёл Добролюбие на церковно-славянский язык вместе с трудами прп. Петра Дамаскина, которые обнаружил на Афоне¹⁸. Поэтому можно сказать, что учение прп. Петра Дамаскина о цели сотворения мира воспринял прп. Паисий, когда переводил его труды, тем более в воспоминаниях последнего говорится, что он испытал великую радость, когда обнаружил книги прп. Петра¹⁹. Прп. Паисий передал это учение своим духовным

12 *Филарет Черниговский, архиеп.* Православное догматическое богословие. Т. 1. Чернигов, 1865. С. 196–202.

13 *Феофан Затворник, свт.* Малые произведения. М., 2008. С. 271–272.

14 *Амвросий Оптинский, прп.* Объяснение слов псалма: уста моя возглаголют премудрость // Собрание писем оптинского старца Амвросия. Оптина Пустынь, 2012. С. 364.

15 *Лев Оптинский, прп.* Письмо 131 // Письма преподобного оптинского старца Льва. URL: https://www.optina.ru/starets/lev_letters_12/#131.

16 Письма преподобного Макария Оптинского. Минск, 2002. С. 141.

17 *Варсонофий Оптинский, прп.* Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу батюшки». Козельск, 2005. С. 459.

18 *Seraphim (Rose), hieromonk.* Blessed Paisius Velichkovsky. Platina, CA: Saint Herman of Alaska Brotherhood, 1976. P. 82.

19 Ibid.

чадам, которые были наставниками первых оптинских старцев. Таким образом, учение прп. Петра Дамаскина прочно обосновалось в Оптиной Пустыни и прослеживается в трудах оптинских старцев вплоть до прп. Варсонофия Оптинского.

С богословской линией Оптиной Пустыни согласен и свт. Игнатий (Брянчанинов), который также некоторое время подвизался в этом монастыре. Прот. Г. Флоровский пишет, что свт. Игнатий примыкает к традиции прп. Паисия через учеников известного оптинского старца Леонида²⁰. Свт. Игнатий дополняет оптинское богословие своими рассуждениями. Он говорит, что не только мир видимый, но и мир невидимый также сотворен для человека²¹.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что после создания мира на Земле было «всё только прекрасное, благотворное и приспособленное к бессмертной блаженной жизни её жителей»²². О первоначальном блаженстве твари говорит также свт. Феофан Затворник²³. Из приведённых мыслей двух святителей можно косвенно вывести их мнение о еще одном замысле Божиим при сотворении мира — даровании блаженства всей твари вообще. Подобный вывод о намерении Божиим «облаженствовать» тварь можно сделать также из трудов священика Иоанна Восторгова, который пишет, что Бог одарил земные твари блаженством жизни²⁴. Свт. Филарет Московский прямо называет данную идею целью создания вселенной. Он пишет, что Бог сотворил всё, «чтобы твари получили от Него столько добра, сколько принять могут, и радовались, и блаженствовали»²⁵. Такого же мнения придерживался и свт. Иннокентий (Вениаминов)²⁶.

Сщмч. Владимир Бोगоявленский говорит об Источнике блаженства твари и пишет, что цель сотворения мира есть слава, которую Бог

20 *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 498.

21 *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Об образе и подобии Божиих в человеке // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 2. М., 2014. С. 79.

22 *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о человеке // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 2. С. 661.

23 *Феофан Затворник, свт.* Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни. М., 2010. С. 189.

24 *Иоанн Восторгов, сщмч.* Жизнь вечная // *Иоанн Восторгов, сщмч.* Полное собрание сочинений. Т. III. С. 299.

25 *Филарет Московский, митр.* Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий Катехизис. СПб., 1849. С. 1.

26 *Иннокентий (Вениаминов), свт.* Опыт сочинения на Коломенском языке // Творения Иннокентия, митрополита Московского. Кн. 3. М., 1888. С. 658.

желает и ожидает **Себе** от Своих созданий, «чтобы мы служили Ему добровольно и в свободной, благодарной любви почитали и славили Его имя, исполняли Его волю и наслаждались Его благими дарами»²⁷. По мнению сщмч. Владимира дарование добра тварям не является главным намерением Создателя, поскольку мир сотворён **для Него**, а исполняя Его святую волю, разумные создания получают блаженство. Таким образом, по мнению сщмч. Владимира, получение благих даров тварью — это следствие, вытекающее из главной цели создания мира. Но после грехопадения окончательное и полное блаженство творение получит только в Царстве Небесном²⁸. О том, что Бог создал мир для Себя, писали также прп. Макарий Алтайский²⁹, св. прав. Иоанн Кронштадтский³⁰, прп. Вонифатий Феофановский³¹.

Святитель Иннокентий Херсонский также придерживается последнего мнения, что главная цель создания мира — это Сам Бог, «всё от Него и к Нему»³². Священное Писание подтверждает данную мысль: *все Им и для Него создано* (Кол. 1, 16). Поэтому свт. Иннокентий Херсонский считает мнение, что все создано для человека, взглядом эгоистическим³³. С таким подходом едва ли можно согласиться. Свт. Иннокентий подробно разбирает вопрос о назначении мира. В соответствии с его классификацией, есть главные и второстепенные цели. Поэтому суждение отцов Оптиной Пустыни об антропоцентризме вселенной следовало бы отнести ко второй по значимости цели, но не называть эгоистичным. Данный вывод подкрепляется также нижеприведенными доказательствами.

Древние святые (свт. Григорий Богослов³⁴, прп. Пётр Дамаскин и отцы Церкви рассматриваемого периода: свт. Феофан Затворник³⁵ и Филарет Черниговский³⁶) писали, что по отношению к окружающему

27 *Владимир Богоявленский, сщмч.* Отче наш. Беседы на молитву Господню. М., 2018. С. 47–48.

28 Там же. С. 48–49.

29 *Макарий Алтайский, прп.* Алфавит Библии // Богословский сборник Новосибирской епархии Русской Православной Церкви. 2005. № 1. С. 61.

30 *Иоанн Кронштадтский, прот.* Живое слово мудрости духовной. С. 15.

31 *Евстратий (Голованский), иером.* Игумень Вонифатий. Основатель и строитель скита Феофании, принадлежащего к Киево-Златоверхо-Михайловскому первоклассному монастырю, и наставник его Ивань Босой. Киев, 1873. С. 109–110.

32 *Иннокентий Херсонский, архиеп.* Учение о сотворении мира // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. VI. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 722.

33 Там же.

34 *Феофан Затворник, свт.* Душа и ангел. М., 1997. С. 15.

35 Там же.

36 *Филарет Черниговский, архиеп.* Православное догматическое богословие. Т. 1. С. 321–329.

миру человек был создан как царь, обладающий землёй. Отсюда можно заключить, что мир сотворен для человека. Хотя свт. Иннокентий Херсонский считает такое мнение эгоистичным, но он сам пишет, что человек есть владыка и царь мира, который является «поприщем его деятельности»³⁷, однако же он делает другие выводы. Из приведенных мнений вытекает, что, по крайней мере, доступный человеку мир сотворен для него. Таким образом, свт. Иннокентий как бы косвенно соглашается с этой идеей.

Свт. Филарет Черниговский опирается на слова свт. Григория Назианзина: «Надлежало, чтобы благо разливалось»³⁸, считает блаженство сотворенных не главным назначением мира. По его мнению, поскольку Бог есть существо высшее и самостоятельное, то Он существует от Себя и для Себя. Потому и мир Он создал **для Себя**, чтобы явить в созданиях Свои совершенства. При этом свт. Филарет полагает, что из данного первого по значимости назначения мира вытекают второстепенные, подчинённые. Поскольку Бог есть высшее благо, то тварь не может найти где-либо блаженство, кроме Бога. Из этого постулата берёт начало одна из вторичных целей мира — «облаженствование» тварей, о котором говорил свт. Григорий Назианзин. Но это блаженство разнится по степеням творения, а потому различается и сама цель творения мира³⁹. Свт. Филарет Черниговский полагает, что «для существ нравственных целью является постепенное возвышение к богоподобию»⁴⁰. Однако нравственное совершенство свободных существ он считает второстепенным назначением мира, поскольку существует множество созданий совершенно не способных к нравственной жизни. А для человека, по его мнению, создана только некоторая часть земли, поскольку существуют другие твари⁴¹.

Таким образом, по отношению к утверждению, что мир сотворён для человека, свт. Филарет Черниговский сходится во мнении со свт. Иннокентием Херсонским. Он пишет: «Вредная гордость! Человек не есть безусловно-самостоятельное существо»⁴². Но такой подход нельзя принять. Хотя человек есть существо ограниченное и не безусловно-самостоятельное, тем не менее, ему дана от Бога свобода воли.

37 *Иннокентий Херсонский, архиеп.* Учение о сотворении мира. Т. VI. С. 717.

38 *Филарет Черниговский, архиеп.* Православное догматическое богословие. Т. 1. С. 205.

39 Там же. С. 224–226.

40 Там же. С. 227.

41 Там же.

42 Там же. С. 226–227.

Кроме того, нельзя согласиться с мнением свт. Филарета Черниговского, что, поскольку некоторую часть земли занимают разнообразные создания Божии, не вся она создана для человека. Один из поводов для такого несогласия даёт свт. Игнатий (Брянчанинов), который пишет о том, что Господь создал животных и окружающий мир для будущего венца творения — человека⁴³. Данное суждение исповедует не только свт. Игнатий. Выше приведены мнения святых отцов, которые также говорят, что человек создан как царь и владыка земли.

Святитель Феофан Затворник также из всех тварей особо выделяет человека. Он говорит, что мир вещественный не имеет в себе цели. Он — поприще и место, в котором положено «образовываться разумным тварям для вечной жизни»⁴⁴. Таким образом, он приближается в своей позиции к богословской линии оптинских старцев.

И другие святые отцы исследуемого периода считают, что предназначением земных тварей является служение человеку. Так, св. прав. Иоанн Кронштадтский пишет, что все животные были сначала покорны людям⁴⁵, а свт. Иннокентий (Вениаминов) считает, что даже стихии повиновались Адаму⁴⁶.

Свт. Филарет Московский более подробно развивает эту тему и говорит, что преждедсотворенные твари были созданы для следующих за ними. Например, растения должны служить пищей для животных. К мнению свт. Филарета можно добавить, что земля и растения были предназначены для комфортного обитания всей живой твари. Животные же, в свою очередь, по словам свт. Филарета Московского, как и весь мир вообще, созданы на службу человеку, который вводится в мир «как владыка в дом, как священник в храм, совершенно устроенный и украшенный»⁴⁷.

Исходя из суждений всех вышеупомянутых святых отцов, которые затрагивали вопрос о господстве человека над землёй, можно заключить, что все они сходятся во мнении, что человек поставлен в отношении земных созданий как царь и владыка, то есть земной мир сотворён для людей. После грехопадения миссия твари служить человеку ещё

43 *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о человеке Т. 2. С. 79.

44 *Феофан Затворник, свт.* Толкование посланий апостола Павла к Титу, к Тимофею. Пастырские послания. М., 2005. С. 49.

45 *Иоанн Кронштадтский, прот.* Катехизические беседы. Кронштадт, 1859. С. 98.

46 *Иннокентий Московский (Вениаминов), митр.* Указание пути в Царство Небесное. М., 1890. С. 7–8.

47 *Иннокентий Московский (Вениаминов), митр.* Указание пути в Царство Небесное. С. 51.

более усилилась. Об этом говорит, например, жертвоприношение Авеля, который принес в жертву Богу продукты животноводства. По окончании Всемирного потопа Бог сказал Ною: *все движущееся, что живет, будет вам в пищу* (Быт. 9, 3). Свт. Тихон (Белавин)⁴⁸, Феофан Затворник⁴⁹ и Филарет Московский⁵⁰ толкуют эту цитату Писания, так: после потопа людям было разрешено употребление в пищу плоти животных. То есть, назначение твари служить человеку ещё более возросло. Таким образом, создания, которые занимают часть нашей планеты, вместе с местом их обитания также сотворены для человека. Всё это опровергает мнение свт. Филарета Черниговского о том, что не вся земля создана для людей. Здесь следует упомянуть о критике свт. Филаретом Московским книги «Догматическое богословие» своего ученика свт. Филарета Черниговского. Хотя свт. Филарет Московский благосклонно отнёсся к данной работе, но писал, что свт. Филарету Черниговскому стоило бы «критическим взором пройти» по этому труду, чтобы «точнее выразить истины»⁵¹. Как видно из проведенного анализа, свт. Филарет Московский не беспочвенно написал эти слова.

Сходство суждений свт. Филарета Черниговского и Иннокентия Херсонского об эгоистичности и «вредной гордости», присутствующей во мнении, что вселенная создана для человека, подтверждает теорию прот. Павла Хондзинского о близости свт. Филарета к киевской духовной школе, ярким представителем которой являлся свт. Иннокентий. Хотя свт. Филарет Черниговский был учеником свт. Филарета Московского, но, как справедливо пишет прот. Павел, его богословие «в известном смысле “балансирует” между Москвой и Киевом»⁵².

Мнение оптинской группы святых отцов о создании мира для человека подкрепляется и данными современной науки. В настоящее время многие учёные поддерживают теорию антропного принципа, который, с их точки зрения, объясняет состояние некоторых физических параметров (констант) Вселенной⁵³.

48 Тихон (Белавин), свт. *Вегетарианство и его отличие от христианского поста*. М., 1996. С. 27.

49 Феофан Затворник, свт. *Толкование посланий апостола Павла к Титу, к Тимофею*. С. 427.

50 Филарет Московский, свт. *Толкование на книгу Бытия*. М., 2004. С. 59.

51 Хондзинский П. В., прот. *Учитель и ученик: святитель Филарет Московский и святитель Филарет Черниговский* // *Филаретовский альманах*. 2018. № 14. С. 85.

52 Там же. С. 77.

53 Agrawal V., Barr S. M., Donoghue J. F., Seckel D. *The anthropic principle and the mass scale of the Standard Model*. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.hep-ph/9707380>.

Антропный принцип вселенной

Существует две основных интерпретации антропного принципа: «слабый» и «сильный». Прот. Олег Мумриков излагает их следующим образом. «Слабый» принцип: «Вселенная устроена таким образом, что в ней возможна разумная жизнь». «Сильный» принцип: «Вселенная необходимо должна иметь свойства, позволяющие развиться разумной жизни»⁵⁴. Если бы физические константы, *изначально* заложенные во Вселенной, малейшим образом отличались от существующих, а цепочка чрезвычайно маловероятных событий в формировании Вселенной не произошла бы (тонкая настройка Вселенной), жизнь была бы невозможна. Таким образом, антропный принцип является телеологическим. С чисто математической точки зрения он, хотя и не доказывает на 100%, но с очень большой долей вероятности говорит о существовании Творца, поскольку вероятность самопроизвольного выполнения последовательности множества крайне маловероятных событий формирования вселенной и происхождения жизни стремится к нулю.

Согласие научной теории антропного принципа с мнением оптинской группы святых отцов усиливает выводы проведенного богословского анализа: то, что мир создан для человека, нельзя назвать «эгоистичным» предположением, как считали свтт. Иннокентий Херсонский и Филарет Черниговский. Человек — *венец творения*, мир создан для человека — хотя и не главная, но вторая по значимости цель создания мира.

Однако назначение человека не только в том, чтобы разумно управлять и господствовать над миром. Как указывали приведенные выше святые отцы, мир создан и для нравственного совершенствования, и «облаженствования» людей. Но в полной мере это осуществится только в Царствии Небесном, когда уже *прежнее небо и прежняя земля миновали* (Откр. 21, 1–5). Поэтому в цель творения добавляется сотериологический аспект, невозможный без Христа. Отсюда можно сделать вывод, что прот. Олег Мумриков вполне справедливо считает антропный принцип *христологическим*⁵⁵. В Церкви люди соединяются со Христом в одно Тело, богочеловеческий организм. В преображенном мире Церковь станет только торжествующей, где *будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15, 28). Произойдет окончательное и совершенное обожение

54 Мумриков Олег, иер. Концепции современного естествознания: христианско-апологетический аспект. Сергиев Посад; М., 2013. С. 252.

55 Там же. С. 254.

человека по благодати. Поэтому выражение: *все Им и для Него создано* (Кол. 1, 16), — приобретает сотериологическое значение. Таким образом, вторая по значимости цель творения (мир создан для человека) сливается с первой (Бог сотворил мир для Себя). Этот синтез можно назвать *христоцентричной* целью творения мира. Другими словами, имеет место *христоцентризм* Вселенной. Остальные же цели сотворения мира, указанные святыми отцами, являются второстепенными и вспомогательными.

Выводы

В данной статье произведён обзор трудов святых отцов Русской Православной Церкви XIX — начала XX вв. по теме причин и целей сотворения мира Богом и их богословско-историографический анализ.

Выявлены мнения святых отцов о причинах творения мира. Одни называют причиной творения благодать Божию, другие свободную волю Божию. Эти две причины были объединены в одну: *причина сотворения мира есть благая свободная воля Божия*. С этим в целом согласны святые отцы рассматриваемого периода.

Цели сотворения мира святые отцы исследуемого периода называют разные. Выявлена линия оптинских старцев, говорящая, что мир сотворен для человека. Ретроспективное исследование показывает, что эта линия уходит к прп. Паисию Величковскому на Афон, и далее к прп. Петру Дамаскину. Эту традицию поддерживал свт. Игнатий (Брянчанинов), но он пошёл дальше в своих размышлениях, говоря, что не только видимый, но даже невидимый ангельский мир сотворён для человека.

Однако с мнением оптинских старцев не согласны свтт. Иннокентий Херсонский и Филарет Черниговский, которые считают такое суждение эгоистичным, «вредной гордостью». Они различают главную и второстепенные цели творения. Главная цель — Сам Бог, всё Им и для Него создано. Проведенный анализ демонстрирует, что, с одной стороны, эти святые отцы правы, мир Бог сотворил для Себя, тварь не может нигде найти смысла жизни, как только в Боге. Это последнее мнение, как показано в статье, поддерживали многие святые отцы исследуемого периода. Свтт. Иннокентий Херсонский и Филарет Черниговский при этом пишут, что человек есть венец творения, сотворён как царь мира. Поэтому то, что мир сотворён для человека — вторая по значимости, подчинённая цель, но не эгоистичное суждение. Нельзя также согласиться с мнением свт. Филарета Черниговского о том, что не вся земля создана

для человека. Если человек поставлен царём земным, то вся планета с земной тварью создана для служения ему.

Единение мнений свт. Иннокентия Херсонского и Филарета Черниговского подтверждает теорию прот. Павла Хондзинского о близости свт. Филарета Черниговского к киевской духовной школе, ярким представителем которой являлся свт. Иннокентий Херсонский. Хотя свт. Филарет Черниговский был учеником свт. Филарета Московского, но его богословие «балансирует» между Москвой и Киевом.

В последние десятилетия множество известных учёных разделяют теорию антропного принципа Вселенной. Согласие данной теории с мнением оптинских старцев усиливает их суждение о создании мира для человека. Данное богословское направление известно, но настоящая работа показывает его актуальность и перспективность, поскольку православное богословие здесь находится в полном согласии с наукой, что особенно ценно для апологетики. Второстепенные или подчиненные цели творения, указанные святыми отцами исследуемого периода, ведут к антропоцентризму. Человек должен быть не только владыкой и царём земли, он должен нравственно совершенствоваться в заповедях Божиих, чтобы от Него получать блаженство. Однако в полной мере «блаженствование» твари возможно только в новом преображённом мире, поскольку настоящий мир поражён грехом со времён грехопадения прародителей. Таким образом, в цель творения добавляется сотериологический аспект, невозможный без Христа. И все цели творения мира сливаются в единую *христоцентричную*. Другими словами, имеет место *христоцентризм* Вселенной. Нынешний вещественный мир есть место обитания людей. В нём они нравственно совершенствуются, очищаются от греха, подготавливаются к вечности, соединяются со Христом в одно Тело, которое есть Церковь. А в новом преображённом мире они уже получают полное блаженство в торжествующей Церкви, когда *будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15, 28) и достигнута окончательная цель творения мира.

Источники

Seraphim (Rose), hieromonk. Blessed Paisius Velichkovsky. Platina, CA: Saint Herman of Alaska Brotherhood, 1976.

Амвросий Оптинский, прп. Объяснение слов псалма: Уста моя возглаголют премудрость // Собрание писем оптинского старца Амвросия. Оптина Пустынь, 2012. С. 363–365.

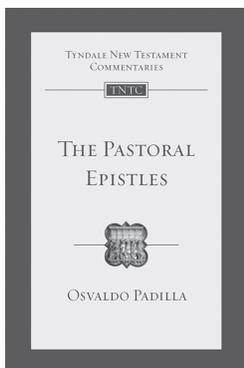
Варсонофий Оптинский, прп. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу батюшки». Козельск: Изд. Оптиной Пустыни, 2005.

- Владимир Богдавленский, сщмч.* Отче наш. Беседы на молитву Господню. М.: Сибирская Благовонница, 2018.
- Евстратий Голованский, иером.* Игумень Вонифатій. Основатель и строитель скита Теофаніи, принадлежащаго къ Кіево-Златоверхо-Михайловскому первоклассному монастырю, и наставникъ его Иванъ Босой. Киев, 1873.
- Игнатий (Брянчанинов), свт.* О образе и подобии Божиих в человеке // Полное собрание творений и писем. Сочинения: в 8 т. Т. 2. М.: Паломник, 2011.
- Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о человеке // Полное собрание творений и писем: в 8 т. Т. 2. М.: Паломник, 2011.
- Иннокентий (Вениаминов), архиеп.* Опытъ сочинения на Коломенскомъ языке // Творения Иннокентия Митрополита Московского. Кн. третья. М., 1888.
- Иннокентий (Вениаминов), архиеп.* Указание пути в Царство Небесное. М.: Синодальная типография, 1890.
- Иннокентий Херсонский, архиеп.* Учение о сотворении мира // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. VI. Изд 2-е. СПб., 1908.
- Иоанн Восторгов, сщмч.* Полное собрание сочинений в пяти томах. СПб., 1995.
- Иоанн Кронштадтский, прот.* Живое слово мудрости духовной. СПб., 1911.
- Иоанн Кронштадтский, свяц.* Катехизические беседы. Кронштадт, 1859.
- Лев Оптинский, прп.* Письмо 131 // Письма преподобного оптинского старца Льва. URL: https://www.optina.ru/starets/lev_letters_12/#131 (Дата обращения: 10.04.2023)
- Макарий Алтайский, прп.* Алфавит Библии // Богословский сборник Новосибирской епархии Русской Православной Церкви. Новосибирск. 2005. № 1. С. 34–72.
- Письма преподобного Макария Оптинского. Минск: Свято-Елисаветинский монастырь, Православное Братство во имя Архистратига Михаила, 2002.
- Тихон (Белавин), свт.* Вегетарианство и его отличие от христианского поста. М.: Новая книга, 1996.
- Феофан Затворник, свт.* Душа и ангел. М., 1997.
- Феофан Затворник, свт.* Толкование послания апостола Павла к римлянам. М.: Правило веры, 2006.
- Феофан Затворник, свт.* Толкование посланий апостола Павла к Титу, к Тимофею. Пастырские послания. М.: Правило веры, 2005.
- Феофан Затворник, свт.* Малые произведения. М.: СТСЛ, 2008. С. 237–307.
- Филарет Московский, митр.* Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий Катехизис. СПб., 1849.
- Филарет Московский, свт.* Толкование на книгу Бытия. М., 2004.
- Филарет Черниговский, митр.* Православное догматическое богословие. Т. 1. Чернигов, 1865.

Литература

- Мумриков Олег, иер.* Концепции современного естествознания: христианско-апологетический аспект. Сергиев Посад; М.: Паломник, 2013.
- Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
- Хондзинский П. В., прот.* Учитель и ученик: святитель Филарет Московский и святитель Филарет Черниговский // Филаретовский альманах. 2018. № 14. С. 65–88.
- Agrawal V., Barr S. M., Donoghue J. F., Seckel D.* The anthropic principle and the mass scale of the Standard Model. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.hep-ph/9707380> (Дата обращения: 11.04.2023)

РЕЦЕНЗИИ

Osvaldo Padilla

THE PASTORAL EPISTLES. TYNDALE NEW TESTAMENT COMMENTARY

Downers Grove (Ill.): IVP Academic, 2022. (Tyndale New Testament Commentaries; vol. 14). xxix + 284 pp. ISBN 978-1514006733

УДК: 27-278

DOI: 10.31802/PWG.2023.9.1.004

Недавнее издание из серии комментариев Тиндейла к Новому Завету (ТНТС) охватывает все три послания св. ап. Павла, называемые Пастырскими. Данный том фактически является заменой предыдущего комментария Тиндейла на эти новозаветные письма, первоначально опубликованный в 1957 году известным библеистом Дональдом Гатри.

Автор рецензируемого издания Освальдо Падилья — доктор философии Абердинского университета, профессор Бисоновской школы богословия Сэмфордского университета (The Beeson Divinity School of Samford University), ранее известный в среде академической библеистики по своим книгам: *The Speeches of Outsiders in Acts* (Cambridge, 2008) и *The Acts of the Apostles: Interpretation, History and Theology* (IVP Academic, 2016).

Сорокачетырёхстраничное введение начинается, как и положено всем комментариям к Пастырским посланиям, с подробного обсуждения проблемы авторства. Начиная со свидетельств, относящихся ко второму столетию, Падилья отмечает, что есть веские доказательства авторства самого св. Павла (с. 6). Освальдо прослеживает различные проблемы, связанные с авторством апостола язычников, однако приходит к выводу: «Точка зрения, принятая в этом комментарии, заключается в том, что вера в авторство Павлом Пастырских посланий — это не то, что можно доказать, вступая в споры и контраргументы с теми учеными, которые отрицают авторство Павла» (с. 10). Падилья признает, что признание авторитета Священного Писания означает: если в 1 Тим. 1, 1 говорится, что св. Павел написал эту книгу, значит, её и в самом деле

написал апостол язычников. Иными словами, Освальдо подтверждает традиционное авторство св. Павла, поскольку в библейском тексте говорится, что автором является апостол язычников. В этом отношении рассматриваемый комментарий выгодно отличается от различных изданий сторонников критической библеистики, которые сразу же отмечают авторство св. Павла для Пастырских посланий.

В то же время Падилья критически анализирует и типичные аргументы против авторства апостола язычников, в частности, лингвистические и социальные (такие, как, например, взгляд св. Павла на служение женщин). С другой стороны, Освальдо справедливо указывает, что псевдоэпиграфия вовсе не была приемлемой практикой в ранней Церкви (за исключением лжеучителей), и ни один раннехристианский писатель не сомневался в том, что св. Павел написал Пастырские послания (с. 15). Также нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что на позицию большинства западных исследователей влияет академическое и социальное давление, требующее отрицать авторство апостола язычников (с. 15).

Относительно жанра Падилья указывает, что Пастырские послания — это паренетические письма, которые содержат в себе увещевания, но не являются официальными или административными посланиями (с. 19). 1-е послание к Тимофею и послание к Титу, по мнению Освальдо, представляют собой паренетические письма, а вот 2-ому посланию к Тимофею присущи, скорее, черты прощального письма. Падилья задает вопрос, являются ли эти письма пастырскими? Освальдо сохраняет традиционное название, однако указывает, что богословский акцент в этих посланиях сделан именно на церковной жизни. Падилья также признает, что это три отдельных письма, и читатели должны уважать их уникальность.

Повод для написания второго послания к Тимофею, по мнению Освальдо, предельно ясен: св. Павел написал это письмо в конце своей жизни из Рима между 64 и 67 годами нашей эры. Причины написания 1 послания к Тимофею и послания Титу, с точки зрения Падильи, определить сложнее. Традиционная точка зрения заключается в том, что они отражают служение Павла после изложенного в книге Деяний, поскольку их трудно вписать в миссионерские путешествия, описанные в данном новозаветном источнике. Падилья считает, что сначала апостол язычников написал послание к Титу во время своего пребывания в Ефесе (Деян. 19), а также 1 послание к Тимофею по пути в Иерусалим (Деян. 20 — 21). Затем св. Павел написал 2-е Послание к Тимофею,

находясь, по мнению Освальдо, под домашним арестом в Кесарии (Деян. 24 – 26).

Что побудило апостола язычников написать эти послания? Падилья предполагает, что 1 Тим. 3, 14–16 является ключом к Пастырским посланиям (с. 23). Апостол язычников хотел напомнить верующим, что их нравственное поведение должно быть основано на здоровом учении, базирующемся на верной христологии и сотериологии. Освальдо распознает в Пастырских посланиях полемику против лжеучителей. Следуя Мартину Хенгелю, он утверждает, что лжеучителями были еврейские христиане, возможно, странствующие учителя, которых Хенгель называл хасидо-ессейскими гностиками.

Падилья выводит четыре богословских акцента из Пастырских посланий. Во-первых, Бог есть Господь Израиля, Отец Иисуса Христа и Спаситель. Во-вторых, письма описывают спасение, используя образы вечной жизни, и предвкусывают будущее спасение при возвращении Христа. В-третьих, послания представляют христианскую жизнь как совершение добрых дел и благочестие. При этом Падилья помещает то и другое в греко-римский контекст: добрые дела связаны с греческими добродетелями, в частности, с добродетелью благочестия. Наконец, экклезиология св. Павла в этих письмах схожа с содержащейся в других его посланиях. Ключевым элементом учения о Церкви в Пастырских посланиях, согласно Освальдо, является сохранение Евангелия (Благовестия).

Традиционно одним из наиболее проблемных мест в западных комментариях к Пастырским посланиям является экзегеза 1 Тим. 2, 9–15, где св. Павел говорит об обязанностях и поведении женщин. Падилья начинает свой комментарий к этому разделу с определения контекста, и в частности, греческой добродетели σωφροσύνη («целомудрие»). В 1-м Послании к Тимофею 2, 9 апостол язычников говорит, что женщины должны как бы одеваться в σωφροσύνη (в Синодальном переводе «целомудрие»). Это слово часто переводится как «самоконтроль», «приличие» или «пристойность». Св. Павел употребляет это слово дважды (2, 9 и 2, 15), как бы обрамляя данный не самый простой для экзегезы раздел. Освальдо показывает, что этот термин может быть применим к женщинам в нескольких различных контекстах. Во-первых, он цитирует Софокла, Еврипида и Плутарха, которые использовали данное слово в контексте речи и языка: «σωφροσύνη демонстрируется в молчании» (с. 86). В то же время σωφροσύνη также проявляется в контексте контроля над плотскими страстями. Цитируя Филона Александрийского,

Падилья указывает, что жена Потифара действовала без *σωφροσύνη*, когда обратилась к Иосифу. В-третьих, *σωφροσύνη* используется как противоположность нескромности. Женщина, которая носит нескромную, дорогую одежду с чрезмерными украшениями, не имеет *σωφροσύνη*.

Помимо этого лингвистического доказательства, Освальдо предполагает, что апостол язычников имеет дело с двумя конкретными проблемами в церковной общине. Во-первых, это женщины, которым не хватало *σωφροσύνη* или которые не демонстрировали *σωφροσύνη* должным образом как жены, матери и хозяйки дома (все это часть греко-римских ценностей, связанных с *σωφροσύνη*). Во-вторых, по-видимому, уже существовала проблема с лжеучителями, нацеленными на женщин и вводящими их в заблуждение. Последнее, по мнению Падильи, возможно, объясняет необычные формулировки в 1 Тим. 2, 13–14 о том, как была обманута Ева.

Освальдо упоминает об «обладании властью» в своем комментарии на 1 Тим. 2, 12. В данном случае он резюмирует мнение Кёстенбергера о том, что слова «учить» и «обладать авторитетом» (*αὐθεντέω*) имеют положительное значение. Проблема здесь заключается исключительно в действиях человека, обучающего и осуществляющего власть. Падилья считает данное место проблематичным, поскольку сами по себе эти слова, по его мнению, не являются ни положительными, ни отрицательными. В 1 Тим. 1, 10 св. Павел использует термин *διδασκαλία* в положительном ключе, в значении преподавания здравого учения. Однако в 1 Тим. 4, 1 апостол язычников употребляет тот же самый термин для обозначения «демонического учения». Для Освальдо «обладать авторитетом» (*αὐθεντέω*) имеет в данном контексте уничижительный смысл. Другими словами, есть нечто неправильное в том, как некоторые женщины проявляют себя властным образом. Поэтому он предполагает, что *αὐθεντέω* означает нечто вроде: «Я не разрешаю женщинам брать все под свой контроль и указывать мужчинам, что делать» (с. 94). Иными словами, если женщины ведут себя властно, они тем самым не демонстрируют *σωφροσύνη*. Интересно, что апостол язычников в то же время запрещает и мужчинам, которые ведут себя подобным образом, становиться священнослужителями (см. 1 Тим. 3, 1–7). Иначе говоря, с точки зрения Освальдо, нельзя быть токсичным, запугивающим лидером, независимо от того, мужчина вы или женщина. В то же время итоговый вывод Падильи звучит несколько неожиданно: «Действительно, кажется маловероятным, что мы должны понимать этот отрывок как означающий, что женщинам запрещено учить мужчин»

(с. 97). Очевидно, в данном случае автор сам не смог избежать того академического и социального давления, на которое он ссылаясь при рассмотрении вопроса об авторстве Пастырских посланий.

Затем Освальдо рассматривает проблему священнослужителей и диаконов (1 Тим. 3, 1–13). Падилья замечает, что в описании обоих служений существует значительное дублирование их качеств и обязанностей на фоне совсем небольшого описания различий. *ἐπίσκοπος* осуществляет общий надзор, ему помогает *διάκονος*. Читателю, указывает Падилья, следует быть осторожным и не переносить более поздние церковные должности на 1 Тим. 3. Освальдо также говорит, что проблематично отождествлять роль, которую играет *ἐπίσκοπος*, с современным пастырским служением. Библейская модель, по Падилье, фокусируется на характере и внутренних установках служения, а не на харизматичном могущественном лидере с отличными навыками проповеди и администрирования. Падилья приходит к выводу, что «лидерами в церкви должны быть благочестивые мужчины и женщины, которые были одарены Святым Духом для компетентного преподавания Священного Писания и пастырской заботы о пасомых, подобно тому, как родители заботятся о своих детях» (с. 110). Очевидно, что данный вывод ни в коей мере не соотносится с представлением самого св. Павла, который видел священнослужителями и учителями в Церкви исключительно мужчин. Апостол язычников нигде и никогда не говорит о женщинах, которые могут не только преподавать, но и осуществлять пастырскую деятельность. Нет никаких сомнений в том, что эти заключения навеяны современной западной социальной повесткой, влияния которой не могут в полной мере избежать даже те ученые, которые в иных случаях отстаивают традиционную точку зрения (например, в вопросе авторства посланий).

Относительно академической ценности рецензируемого издания необходимо отметить, что, как и другие тома комментария Тиндейла к Новому Завету, толкование Падильи основано на греческом тексте, однако сам комментарий сосредоточен на английском. То, что комментарий не уделяет слишком много внимания грамматическим тонкостям, будет полезным разве что для читателей, не знакомых с древнегреческим языком. Комментарий богат отсылками к греко-римским источникам, иллюстрирующим служение св. Павла в рамках этой культуры. Каждый раздел заканчивается приложением, посвященным богословским вопросам, в особенности тому, как послания апостола язычников следует применять в христианской жизни. Впрочем, ценность данных

приложений вряд ли может считаться весомой, учитывая не только профессиональную принадлежность автора (евангелический христианин), но и его очевидную детерминированность западной общественно-политической повесткой.

Говоря о формальных характеристиках издания, необходимо отметить, что толкование Падильи на Пастырские послания представляет собой неплохой пример написания комментария «правильного размера». Он достаточно краток в сравнении со ставшим классическим на западе комментарием серии International Critical Commentary (ICC). В нем достаточно подробностей, чтобы помочь студентам ознакомиться с современным западным толкованием Пастырских посланий. Один из способов увидеть, как изменились комментарии за последние шестьдесят лет, — это сравнить комментарий Дональда Гатри с рецензируемым изданием. У Гатри была единственная страница сокращений, которая также служила избранной библиографией. Новый комментарий Падильи содержит девять страниц избранной библиографии и еще восемь страниц сокращений. В этой связи православные исследователи, занимающиеся научным изучением Пастырских посланий, вряд ли смогут обойти данный труд стороной. В то же время его никак нельзя порекомендовать к прочтению верующим, не имеющим специального библейско-богословского образования, учитывая весьма серьезные мировоззренческие и методологические просчеты данного издания.

Михаил Всеволодович Ковшов

ВОПРОСЫ БОГОСЛОВИЯ

№ 1 (9) • 2023

*Научный журнал
Московской духовной академии*

ISSN 2658-7491

Эл. почта редакции: nauka.bogoslovie.mda@gmail.com

Издательство Московской духовной академии
141312, г. Сергиев Посад,
Троице-Сергиева Лавра, Академия
Эл. почта: publishing@mpda.ru

Формат 70×100/16. Печ. л. 3¾
Подписано в печать 25.05.2023